

Роль музеев

в информационном обеспечении
исторической науки

ROLE OF MUSEUMS IN INFORMATION
SUPPORT OF HISTORICAL SCIENCE

Сборник статей

**Роль музеев в информационном
обеспечении исторической науки**

«Этерна»

2015

УДК 930.2
ББК 79

Сборник статей

Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки /
Сборник статей — «Этерна», 2015

ISBN 978-5-480-00300-0

Цель проекта – серии из трех сборников «Музеи – библиотеки – архивы в информационном обеспечении исторической науки» – заключается в описании поставленной проблемы в преломлении основных хранилищ исторических источников, выступающих в ипостаси музейных предметов, изданий, архивных документов. В сборниках рассматриваются: место музеев – библиотек – архивов в информационной инфраструктуре науки; репрезентация их информационного потенциала; их собрания, фонды как информационный ресурс; технологии извлечения информации из источников и то, что ИКТ дают науке и музеям – библиотекам – архивам; коммуникация научного сообщества и сообществ хранителей информации. Первый сборник серии – «Музеи в информационном обеспечении исторической науки» – имеет международную составляющую (Казахстан, Польша). Его авторы – исследователи из 15 городов России: историки и музейеды, культурологи, искусствоведы, филологи, философы, экономисты, политологи; представители точных, естественных, технических, медицинских наук; известные и молодые ученые, методологи и музейщики-практики, сотрудники научных институтов и вузовской науки. Адресован историкам, музейедам, а также тем, кого интересуют междисциплинарные исследования на стыке исторической науки с гуманитарными и иными науками, науковедением, информатикой.

УДК 930.2

ББК 79

ISBN 978-5-480-00300-0

© Сборник статей, 2015

© Этерна, 2015

Содержание

Проект	7
От автора проекта	9
Введение в проблему	11
Н. Е. Каленов	11
Е. Б. Рашковский	18
Е. А. Воронцова	24
Музей в информационной инфраструктуре исторической науки	29
Е. А. Воронцова	29
О. С. Сапанжа	45
М. Ф. Румянцева	52
Л. С. Именнова	58
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Е. А. Воронцова
Роль музеев в информационном
обеспечении исторической
науки: сборник статей

© Е. А. Воронцова, авт. – сост., 2015

© Авторы, 2015

© Издательство «Этерна», оформление, 2015

Проект

Роль музеев – библиотек – архивов в информационном обеспечении исторической науки

Автор проекта: канд. ист. наук, старший науч. сотр. (ученое звание), научный редактор (высшая категория сложности), зав. сектором издательских проектов Государственного литературного музея *Евгения Александровна Воронцова*

Партнеры

Ассоциация «История и компьютер»
Российское общество интеллектуальной истории
Институт истории СО РАН
Научный совет по музеям СО РАН
Институт археологии РАН
Институт российской истории РАН
Государственный исторический музей
Государственный литературный музей
Библиотека по естественным наукам РАН
Государственная публичная историческая библиотека России
Архив РАН
Научно-образовательное культурологическое общество России
Кафедра музеологии Факультета истории искусства РГГУ
Исследовательская группа «Российская музейная энциклопедия»
Общество друзей Исторического музея

Информационные партнеры

Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории Историческая информатика
Научно-педагогическая школа источниковедения – сайт Источниковедение. ru

При подготовке издания по инициативе автора проекта проведены:

– Секция «Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки» на II Всероссийской научно-практической конференции «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения» – при поддержке *Института истории СО РАН* и *Научного совета по музеям СО РАН* (1 октября 2014 г., Новосибирск)

– Научно-практический семинар «Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки» – при поддержке *Государственного исторического музея* и *Государственного литературного музея* (24–25 марта 2015 г., Москва, ГИМ; посвящен Году литературы в России)

Редакционная коллегия серии

Репина Лорина Петровна, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института всеобщей истории РАН, заведующая кафедрой теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории РГГУ. Президент Российского общества интеллектуальной истории, главный редактор журнала «Диалог со временем». Председатель редколлегии, главный редактор серии

Афанасьев Михаил Дмитриевич, кандидат педагогических наук, директор Государственной публичной исторической библиотеки России

Афиани Виталий Юрьевич, почетный член Российской академии художеств; кандидат исторических наук, директор Архива РАН, заведующий кафедрой археографии Историко-архивного института РГГУ. Член Бюро Отделения историко-филологических наук и Музейного совета РАН

Бак Дмитрий Петрович, директор Государственного литературного музея

Бородкин Леонид Иосифович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторической информатики, заместитель декана исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Гайдуков Петр Григорьевич, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, заместитель директора Института археологии РАН

Каленов Николай Евгеньевич, доктор технических наук, профессор, директор Библиотеки по естественным наукам РАН, ведущий научный сотрудник Межведомственного суперкомпьютерного центра РАН

Кондаков Игорь Вадимович, доктор философских наук, академик РАН, профессор кафедры истории и теории культуры Отделения социокультурных исследований РГГУ, ведущий научный сотрудник Государственного института искусствознания. Вице-президент Научно-образовательного культурологического общества (НОКО) России, председатель Научной коллегии НОКО, заместитель председателя Научного совета РАН «История мировой культуры».

Определёнов Владимир Викторович, заместитель директора по информационным технологиям Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, член Президиума АДТИТ («Автоматизация деятельности музеев и информационные технологии»)

Петров Юрий Александрович, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН

Шелегина Ольга Николаевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН, заместитель председателя Научного совета по музеям СО РАН, секретарь Комитета музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона ИКОМ ЮНЕСКО

Яновский Андрей Дмитриевич, кандидат исторических наук, заместитель директора Государственного исторического музея по научной работе

Автор проекта и авторы сборника благодарят за поддержку издания президента Общества друзей Исторического музея

Алексея Алексеевича Бондарева

От автора проекта From Author of Project

Серия из трех сборников «Музеи – библиотеки – архивы в информационном обеспечении исторической науки» задумана с целью описать проблему информационного обеспечения исторической науки в таком ее преломлении, как основные информационные ресурсы – хранилища исторических источников, выступающих в ипостаси музейных предметов, изданий, архивных документов.

Структура сборников будет единообразной, что сделает возможным сравнительный анализ этих хранилищ и, очевидно, откроет новые горизонты их использования в интересах науки.

Первым в каждом из сборников должен идти раздел «Введение в проблему», а далее музеи – библиотеки – архивы станут рассматриваться с таких точек зрения:

- в информационной инфраструктуре исторической науки;
- их собрания, фонды как информационный ресурс этой науки;
- технологии извлечения информации из музейных предметов – изданий – документов и их коллекций;
- информационно-коммуникационные технологии для исторической науки и музеев – библиотек – архивов;
- репрезентация их информационного потенциала;
- коммуникация научного сообщества и сообществ хранителей информации.

Сборник «Музеи в информационном обеспечении исторической науки» выстроен в соответствии с общим принципом.

Он в полном смысле этого слова является междисциплинарным. Наряду с историками и музейоведами, которые количественно преобладают, в числе его авторов – культурологи, искусствоведы, филологи, философы, экономисты, политологи, а также представители точных, естественных, технических, медицинских наук, что особенно ценно в контексте изучения истории науки и применения методов этих наук для извлечения информации из исторических источников.

Закономерно представительство Библиотеки по естественным наукам РАН, где не только была поставлена проблема информационного обеспечения науки, но и создана уникальная система, объединившая в единый информационный ресурс фонды нескольких десятков научных библиотек, где 30 лет действует специальный семинар.

Среди историков наиболее восприимчивыми к проблеме информационного обеспечения исторической науки оказались специалисты в области источниковедения и исторической информатики, археологи, этнологи, а также сотрудники музеев (поскольку их основная функция в качестве хранилищ источников информации – документирование исторического процесса во всех его проявлениях). Статьи сотрудников Государственного исторического музея убедительно демонстрируют, что потенциал заложенной его основателями традиции скрупулезно исследовать источники и вводить их в научный оборот огромен и заслуживает всемерной поддержки и поощрения. Следствие серьезной работы по внедрению современных информационных технологий в музейную деятельность – статьи сотрудников ГМИИ им. А. С. Пушкина и Эрмитажа.

Проблема оказалась интересной для сотрудников музеев разных профильных групп и разной принадлежности (общегосударственных – Национальный музей Республики Казахстан, Государственный литературный музей, Политехнический музей, музей-заповедник «Московский Кремль»; региональных – Орловский краеведческий, Оренбургский изобразительных

искусств, Объединенный писателей Урала; городских – «Нарвская застава»; и даже частных – «XX лет после Войны. Музей повседневной культуры Ленинграда 1945–1965 гг.»). Понятен интерес к ней в музеях, существующих в структуре РАН (музеи истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭ Сибирского отделения, исторического сознания Института востоковедения, Минералогического музея им. А. Е. Ферсмана, Палеонтологического музея Амурского научного центра Дальневосточного отделения), научных институтов (Технический музей НИИ измерительных систем им. Ю. Е. Седакова и др.), вузов (музеи истории Петрозаводского и Смоленского университетов, Воронежского государственного медицинского университета им. Н. Н. Бурденко).

Особо следует отметить, что в сборнике представлены наиболее активно работающие музейведческие центры: профильные кафедры (Факультета истории искусства РГГУ, Института философии СПбГУ, Санкт-Петербургского и Московского гос. институтов культуры, Института искусств и культуры Томского госуниверситета); Научный совет по музеям Сибирского отделения РАН; Научный совет исторических и краеведческих музеев России и его Сибирский филиал; отделы в Институте археологии и этнографии СО РАН и Минералогическом музее им. А. Е. Ферсмана РАН; лаборатория в НИИ общественного здоровья им. Н. А. Семашко.

Среди авторов (всего их около 80):

– известные и молодые ученые (член-корреспондент РАН, академик РАН, 18 докторов и 31 кандидат наук, аспиранты и магистранты);

– теоретики, методологи и музейщики-практики (27 сотрудников музеев, в том числе 8 сотрудников ГИМ);

– представители институтов системы РАН (институты: археологии, востоковедения, этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, социально-политических исследований, мировой экономики и международных отношений, истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова и его Санкт-Петербургский филиал; Межведомственный суперкомпьютерный центр; от Сибирского отделения – Институт истории, Институт археологии и этнографии и его Омский филиал), а также Всероссийского НИИ документоведения и архивного дела и НИИ теории и истории изобразительных искусств РАН; – представители вузовской науки (около 30 человек из 14 вузов: Университета им. А. Мицкевича, МГУ им. М. В. Ломоносова, РГГУ, НИУ «Высшая школа экономики», Российской международной академии туризма, СПбГУ, РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербургского и Московского гос. институтов культуры, Петрозаводского, Смоленского и Томского госуниверситетов, Московского государственного университета геодезии и картографии и Уральского государственного горного университета). Это – исследователи из 15 городов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Благовещенска, Воронежа, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Омска, Орла, Оренбурга, Петрозаводска, Смоленска, Томска, Переславля-Залесского Ярославской обл., г. Химки Московской обл.

Сборник имеет и международную составляющую – авторы из Астаны (Казахстан) и Познани (Польша).

Введение в проблему Introduction to the Problem

Н. Е. Каленов

Информационное обеспечение науки: современные подходы

N. E. Kalenov

Information Support of Science: Current Approaches

УДК 021:002.5

Аннотация: в статье рассматриваются основные направления работ, связанных с обеспечением ученых научной информацией, которое в области фундаментальной науки реализуют прежде всего научные библиотеки. Вводятся понятия «пассивные» и «активные» технологии. Первые включают традиционные библиотечные формы обслуживания, отвечающие конкретным запросам пользователей, вторые – активное распространение информации. Приводятся и рассматриваются на примере Библиотеки по естественным наукам РАН современные требования к процессам информационного обеспечения науки.

Abstract: The main areas of work related to the scientific information provision for scientists that is provided by libraries in the field of basic research. The concepts of «passive» and «active» technology are introduced. The first one includes traditional library services as such as literature retrieval using library catalogs, readers servicing etc., the second – the active dissemination of information. Library for Natural Sciences of RAS requirements to the information provision processes are presented and discussed as modern approaches example.

Ключевые слова: науковедение, научные библиотеки, информационные процессы, сетевые технологии, обслуживание, научно-техническая информация, «институты памяти».

Keywords: science of science, scientific libraries, information technologies, scientific information, library servicing.

Любое научное исследование как в естественных, так и в гуманитарных науках базируется на знаниях о текущем состоянии изучаемого объекта (будь то дифференциальные уравнения, физика плазмы, наноструктуры или история архитектуры). Эти знания отражаются в публикациях, причем сам факт опубликования результатов научных исследований в престижных рецензируемых изданиях свидетельствует о том, что данный результат заслуживает внимания. Таким образом, работа с публикациями является неотъемлемой частью научного исследования.

До начала XX в., когда наука была уделом избранных, каждому ученому не составляло большого труда знакомиться с изданиями, связанными с его научными интересами, число таких изданий по отдельным научным направлениям можно было пересчитать по пальцам. Информацию о том, что и где опубликовано, ученые зачастую получали в процессе переписки со своими коллегами. Нужные издания выписывались либо самими учеными, либо по их рекомендациям библиотеками. Библиотеки обеспечивали хранение и предоставление материалов.

С ростом объемов фондов в библиотеках возникла необходимость в создании справочного аппарата, позволяющего достаточно быстро найти и выдать читателю нужное ему издание. Этим аппаратом стали алфавитные каталоги. С ростом количества изданий, появляющихся в

мире по различным научным направлениям, у ученых возникла потребность узнать не только, есть ли данное издание в библиотеке, но и какие они имеют издания по интересующей его тематике в своих фондах. Для решения этой задачи в библиотеках стали создавать тематические, а затем и систематические каталоги, одновременно разрабатывая системы классификации, позволяющие достаточно подробно идентифицировать в формализованном виде содержание издания.

Каталоги и работу с ними можно назвать «пассивной» формой информационного сопровождения научных исследований. Инициатива по предоставлению нужной информации исходила от ученого, который приходил в библиотеку, формулировал свой запрос, и ему подбирали соответствующую литературу, с которой он и работал.

С середины XX в., когда количество ежегодно издаваемых научных журналов, книг, материалов конференций по отдельным направлениям наук стало измеряться тысячами, ориентироваться ученым в этом информационном море стало достаточно затруднительно, и в помощь им возникли «активные» технологии информационного обслуживания. Их отличие от «пассивных» заключается в том, что информация предоставляется пользователям в «опережающем» режиме – по мере поступления в библиотеки новой литературы информация о ней распространяется среди потенциальных читателей без их конкретных запросов.

Первоначально «активные» технологии включали выпуск различного рода печатных указателей литературы, имеющейся в данной библиотеке: указателей новых поступлений; текущих тематических указателей, где отражались поступившие материалы на аналитическом уровне (так, библиографы анализировали поступающие в библиотеку журналы и сборники, выделяли из них статьи по заданным научным направлениям и формировали подборки библиографических описаний, которые периодически публиковались и распространялись среди заинтересованных научных коллективов). Аналогично формировались ретроспективные тематические указатели, в которых публиковались материалы, накопленные библиотекой за достаточно длительный период.

Наряду с выпуском тематических указателей в последней трети XX в. в научной среде получили широкое распространение такие формы активной информационной работы, как «избирательное распространение информации» (ИРИ) и «дифференцированное обслуживание руководителей» (ДОР). Эти формы в значительной мере повторяли технологию формирования текущих тематических указателей, с той разницей, что выявленная по заранее сформулированным тематическим запросам информация не публиковалась в указателях, а предоставлялась непосредственно конкретным абонентам, при участии которых формулировались их запросы.

Существенной составляющей информационного обслуживания являлись реферативные журналы, выпускаемые в СССР (а затем в России) ВИНТИ (по науке и технике) и ИНИОН (по общественным и гуманитарным наукам).

С ростом востребованности информационных услуг в отечественной отраслевой науке стали создаваться центры и отделы научно-технической информации (в состав которых входили библиотеки как хранители печатных материалов), но эта тенденция не нашла широкого применения в академических организациях: информационное сопровождение фундаментальной науки продолжали осуществлять научные библиотеки.

В последней четверти XX в. в нашей стране стали развиваться автоматизированные системы научно-технической информации (АС НТИ). Их наполнение структурированной информацией осуществлялось либо на кооперативных началах значительным числом организаций, обрабатывающих в общих интересах поступающую к ним литературу (примером такой АС НТИ являлся «КООПИНФОРМ АСИОР» [Кажидеева, Москалева, 1975]), либо централизованно – мощными информационными центрами (ВИНТИ, ИНИОН, ИНФОРМЭЛЕКТРО

и др.), осуществляющими реферирование большого числа поступающих к ним изданий [Каленов, Кажидеева, Верховский, 1979].

С помощью АС НТИ реализовывались те же задачи ИРИ и ДОР, но на более высоком технологическом уровне и на более широких массивах информации. Кроме того, в АС НТИ обеспечивалось накопление поступающей информации, что позволяло достаточно легко обрабатывать сложные разовые запросы и предоставлять абонентам необходимую им ретроспективную информацию.

В качестве примера использования автоматизации для информационного сопровождения фундаментальных научных исследований можно привести Библиотеку по естественным наукам АН СССР (ныне БЕН РАН), где в конце 1970-х гг. была внедрена двухконтурная автоматизированная технология обслуживания институтов Академии наук СССР в режиме ИРИ на основе информации, поступавшей из ВИНТИ на магнитных лентах. Для каждого обслуживаемого института формулировался ряд запросов, отражающих тематические интересы «коллективных» абонентов – сотрудников подразделений, занимающихся исследованиями по определенной тематике. Эти запросы, представляющие из себя набор тематических рубрик и ключевых слов, соответствующих тематике исследований каждого абонента, неоднократно вводились в автоматизированную систему и использовались для отбора соответствующих документов при поступлении новой порции данных из ВИНТИ. В результате работы автоматизированной системы периодически (обычно 1–2 раза в месяц) по каждому запросу формировался массив новых документов (библиографические описания и рефераты), который распечатывался и передавался абонентам. Таким образом ученые регулярно получали информацию об опубликованных в мире материалах, соответствующих тематике их исследований (первый контур). В системе был реализован и второй контур: абоненты обязаны были возвращать в БЕН данные «обратной связи» (оценку каждого полученного документа, в том числе оценку, означающую потребность в полном тексте статьи). Эти данные обрабатывались в автоматизированном режиме, и одним из результатов обработки являлась распечатка требований на копирование материалов. В результате абоненты получали через библиотеки своих институтов ксерокопии заказанных ими материалов [Глушановский, Каленов, 2011]. Эта технология была признана типовой в масштабах всего СССР и была внедрена в ряде отраслевых информационных центров страны. Просуществовала она около 10 лет (до появления пришедших ей на смену сетевых технологий).

По мере развития вычислительной техники и появления новых носителей информации развивалась и система информационного сопровождения науки. В середине 1980-х гг. для этих целей стали использоваться диски CD-ROM и сетевой доступ к удаленным базам данных по телефонным каналам. В 1986 г. в БЕН начала действовать автоматизированная информационная система на основе БД Science Citation Index на CD-ROM (диски с обновленной БД поступали в БЕН ежеквартально и обрабатывались на новейшей по тем временам рабочей станции, включавшей персональный компьютер типа IBM-PC и устройство для чтения CD-ROM). С этой БД работали ученые при консультативной помощи сотрудников библиотеки [Глушановский, Каленов, Лексикова, 1993]. Система пользовалась большой популярностью у ученых в течение многих лет, пока они не получили возможность работы с этой БД в сетевом режиме со своих рабочих мест (в настоящее время эта БД входит в состав сетевых ресурсов WEB of Science и WEB of Knowledge).

Развитие сетевых технологий и доступность вычислительной техники позволили с середины 1990-х гг. перейти к качественно новым формам информационного обеспечения научных исследований. Возможность работы с полными текстами изданий в режиме on-line непосредственно с рабочих мест ученых в корне изменила технологию информационной работы, которая строится уже не только и не столько на фондах библиотек, сколько на мировых информационных ресурсах.

Необходимо отметить, что суть работы по информационному обеспечению научных исследований не меняется со временем и включает: а) максимально полное и оперативное информирование ученых о наличии и появлении в мире новой информации, соответствующей тематике их исследований, и б) максимально оперативное предоставление возможности для работы ученых с необходимыми им информационными ресурсами. Однако широкое распространение техники сканирования материалов в сочетании с достаточно мощными компьютерами и носителями информации, обладающими гигантскими объемами памяти, позволило библиотекам как информационным центрам реализовать новые формы информационной работы. Эти формы, в частности, основаны на объединении вторичной (каталоги, реферативные базы данных) и первичной (полные тексты публикаций) информации. Основной «платформой» для предоставления информационных ресурсов и сервисов для ученых стали сайты научных библиотек, на которых поддерживаются каталоги, связанные с электронными библиотеками; активные списки сетевых ресурсов, доступных пользователям данной библиотеки; сервисы, позволяющие авторизованным пользователям осуществить заказ необходимых им материалов, недоступных для них в сетевом режиме, и т. д.

БЕН РАН, выполняющая функции информационного центра по сопровождению исследований в области естественных и точных наук, проводимых академическими институтами Московского и ряда других регионов центральной части РФ, возглавляет централизованную библиотечную систему (ЦБС), в которую входит Центральная библиотека, 60 ее отделов в обслуживаемых институтах и нескольких десятков библиотек, не входящих в структуру БЕН, а являющихся подразделениями институтов. Для последних БЕН РАН формирует информационную основу, осуществляя централизованное комплектование и обработку литературы для их фондов.

На сайте БЕН РАН (<http://www.benran.ru>) представлены сводные электронные каталоги с достаточно развитым поисковым аппаратом [Власова, Каленов, 2011], отличительной особенностью которых является наличие дополнительной информации, раскрывающей содержание изданий: в каталоге книг и продолжающихся изданий – сканы информативных страниц (обложка, титульный лист, оглавление, аннотация) всех поступивших в фонды ЦБС БЕН РАН с 2011 г. изданий; в каталоге журналов – ссылки на сайты журналов (если они их имеют) и на полные тексты тех выпусков, доступ к которым имеют пользователи БЕН РАН, независимо от источников финансирования доступа (РФФИ, НЭИКОМ, РАН).

Одним из принципиально новых «нетрадиционных» направлений работы ЦБС БЕН РАН является поиск свободно доступных интернетресурсов по тематике исследований обслуживаемых библиотеками коллективов и предоставление ученым их адресов. Центральная библиотека как политематический информационный центр поддерживает на своем сайте систему «метауказателей» «Естественные науки в Интернет». Под метауказателем понимается совокупность ссылок на указатели ресурсов по данному научному направлению, созданных ведущими специалистами различных стран в этой области. Сотрудниками БЕН РАН систематически проводится актуализация метауказателей. Для этого просматриваются сайты ведущих научных обществ, университетов, научно-исследовательских институтов и библиотек. Критериями отбора ссылок являются авторитетность организации, ведущей указатель, его объем, актуальность представленной информации (дата обновления, малый процент «мертвых» ссылок).

На сайте БЕН РАН поддерживаются указатели: по астрономии, биологии, математике, механике, наукам о Земле, общенаучной информации, физике, химии, экологии. Кроме перечисленных, в систему указателей «Естественные науки в Интернет» входит указатель «Серийные издания» («Научная периодика в Интернет»), а также обновляемый ежемесячно раздел «Новые книги», включающий тематические (по основным разделам естественных наук) указатели вышедших в России и за рубежом книг. Указатель отечественных книг формиру-

ется на основании массивов данных, приобретаемых в Российской книжной палате. Указатель зарубежных книг формируется специалистами БЕН РАН на основе анализа приобретаемой английской базы данных «Nielsen Book Data», содержащей данные о выходящей в мире литературе и позволяющей отбирать издания по тематическим и видовым разделам.

На сайтах библиотек – отделов БЕН РАН в академических организациях (в зависимости от технических и кадровых возможностей отдела) представлена информация о внешних ресурсах, соответствующих тематике исследований данной организации. Наиболее «продвинутыми» в этом направлении являются отделы БЕН в Пушинском научном центре РАН (<http://cbp.iteb.psn.ru/library/default.html>) и в Математическом институте им. В. А. Стеклова РАН (<http://libserv.mi.gas.ru/>). Обе эти библиотеки предоставляют посетителям своих сайтов информацию о разнообразных ресурсах соответственно по физико-химической биологии и математике, поддерживают собственные электронные каталоги, проблемно-ориентированные базы данных и базы данных публикаций сотрудников обслуживаемых институтов [Госина, Погорелко, 2010; Мохначева, Харыбина, 2011].

Одна из наиболее популярных форм доведения информации до ученых – тематические выставки материалов, которые организуются ЦБС БЕН РАН в качестве информационного сопровождения конференций, симпозиумов и других научных мероприятий. Диапазон охвата материалов, представленных на выставках, как правило, составляет последние 3–5 лет. В основном это – отечественные и зарубежные монографии, статьи из наиболее значимых научных журналов. Для подготовки тематических выставок сотрудники БЕН РАН используют зарубежные базы данных (Web of Science, Chemical Abstracts и др.).

Наряду с тематическими выставками печатных материалов в последние годы БЕН РАН практикует организацию на своем сайте виртуальных тематических выставок по заказам обслуживаемых институтов (раздел сайта «Виртуальные выставки»). На каждой выставке (совокупности интернет-страниц) представлен перечень монографий (библиографические описания, отсканированные обложки, титульные листы и оглавления) и библиографический список статей по тематике выставки.

Любой пользователь может ознакомиться с текущей или архивными выставками. Среди последних виртуальных выставок: «Радиационная защита и радиационная безопасность в ядерных технологиях», включающая

47 новых книг и 24 статьи из зарубежных (20) и отечественных (4) журналов; «Научно-технические проблемы освоения Арктики» (87 книг и

48 журнальных статей); «Дистанционные методы и космические исследования в науках о Земле» (33 книги и 28 журнальных статей).

Одним из современных направлений развития информационных услуг является электронная доставка документов, в значительной мере заменившая традиционную библиотечную книговыдачу. Ознакомившись с содержанием издания на сайте библиотеки, авторизованный пользователь может заказать интересующую его статью из журнала или сборника, которая будет отсканирована и направлена заказчику. Отличительной особенностью этой службы БЕН РАН для пользователей является возможность заказа материалов непосредственно из сводных каталогов ЦБС БЕН РАН, а также возможность интерактивного получения информации о состоянии выполнения заказов. В настоящее время в БЕН РАН эта услуга выполняется только для юридических лиц, предварительно подписавших соответствующий договор о правилах предоставления и использования скопированных материалов.

При поддержке РФФИ (грант 13-07-00051) в БЕН РАН ведется исследовательская работа в направлении создания типовой системы, обеспечивающей информационное сопровождение научных исследований по отдельным тематическим направлениям. В рамках этой работы сформулированы требования к наполнению типового сайта библиотеки, обеспечивающей сопровождение научных исследований, ее функциям и сетевым сервисам. Эти требования

не зависят от поддерживаемого научного направления и, в частности, включают: постоянный мониторинг мирового информационного рынка по поддерживаемому научному направлению и информирование пользователей о появляющихся в мире ресурсах по этому направлению; проведение анализа информационных потребностей пользователей и формирование предложений по приобретению тех или иных ресурсов; формирование и поддержку базы данных авторизованных пользователей библиотеки; формирование и поддержку в актуальном состоянии на своем сайте справочного аппарата по печатным фондам библиотеки, обеспечивающего поиск необходимой информации по всем элементам библиографического описания, а также по тематическим разделам, представленным на естественном языке; информирование пользователей о сетевых ресурсах, доступ к которым приобретен в их интересах; обеспечение доступа авторизованных пользователей к сетевым ресурсам и возможности заказа ими изданий или их копий непосредственно с сайта библиотеки; поиск ресурсов Интернета по тематике поддерживаемого научного направления и информирование о них пользователей либо через сайт, либо путем адресной рассылки; ведение статистики востребованности информационных ресурсов, предоставляемых пользователям.

Очевидно, что перечисленные требования являются необходимыми для реализации информационного обеспечения исследований на современном уровне не только в области фундаментальных (естественных и гуманитарных) наук, но и в области медицины, сельского хозяйства, прикладных наук.

Значительную часть вышесказанного, касающегося роли библиотек в информационном обеспечении науки, можно с успехом распространить и на другие «институты памяти» – музеи и архивы. В этом контексте музейные экспозиции и тематические выставки-презентации архивных документов, являясь формами предоставления материалов широкому кругу пользователей, могут рассматриваться как активные формы информационной работы. Музеи и архивы являются незаменимыми источниками информации для многих гуманитарных наук, в первую очередь исторических. Используя опыт библиотек, музеи и архивы могли бы создавать интернет-каталоги имеющихся в их фондах документов, обеспечивая многоаспектный, в том числе тематический, поиск материалов. По аналогии с библиотеками, музеи и архивы могли бы осуществлять информационную поддержку в режиме ИРИ исследований, проводимых в областях, относящихся к их «компетенции». Очевидно, что новые требования к информационной работе диктуют необходимость освоения сотрудниками библиотек, музеев, архивов новых технологий, что для многих из них является достаточно сложным процессом. Поэтому одним из серьезных направлений деятельности всех «институтов памяти» на современном этапе является обучение сотрудников новым информационным технологиям, без чего невозможно выполнение стоящих перед ними задач.

Библиография

Власова С. А., Каленов Н. Е. Особенности сводного электронного каталога БЕН РАН // Библиотековедение. 2011. № 3. С. 42–47.

Глушановский А. В., Каленов Н. Е., Лексикова Е. Е. База данных Science Citation Index на CD-ROM. М., 1993. 37 с. // Информационный бюллетень / М-во науки и техн. политики Рос. Федерации, РАН. Вып. 6.

Глушановский А. В., Каленов Н. Е. Развитие системы информационного обслуживания специалистов РАН на базе автоматизированных технологий – от сигнальной информации к полным текстам // Вклад информационно-библиотечной системы РАН в развитие отечественного библиотековедения, информатики и книговедения: юбил. науч. сборник, посвящ. 100-летию ИБС Рос. акад. наук. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2011. С. 103–111.

Госина Л. И., Погорелко К. П. Принципы организации системы информационно-библиотечного обеспечения ученых РАН: математика // Новые технологии в информационно-библиотечном обеспечении научных исследований: сборник науч. трудов / Трескова П. П. (ред.). Екатеринбург, 2010. С. 33–44. Полный текст: http://www.benran.ru/SEMINAR/SEM/Sb_10/sbornik_doc/Ogl_10.html

Кажидеева Л. Ф., Москалева В. Ф. Результаты эксперимента по информационному обслуживанию Акустического института АН СССР на базе информационно-поисковой системы АСИОР // Информационно-библиографическое обслуживание читателей библиотек АН СССР и академий наук союзных республик: сборник науч. трудов / Б-ка по естеств. наукам АН СССР [и др.; гл. ред. М. В. Варфоломеева]. М.: Библ. совет по естеств. наукам, 1975. С. 102–109.

Каленов Н. Е., Кажидеева Л. Ф., Верховский С. Я. Опыт информационного обслуживания ученых АН СССР на базе магнитных лент ВИНТИ // Вопросы информационной теории и практики. 1979. № 38. С. 70–76.

Мохначева Ю. В., Харьбина Т. Н. Основные этапы становления и развития информационно-библиографического обслуживания ученых в Пущинском научном центре РАН // Вклад информационно-библиотечной системы РАН в развитие отечественного библиотековедения, информатики и книговедения: юбил. науч. сборник, посвящ. 100-летию ИБС Рос. акад. наук / Сиб. отд-ние Рос. акад. наук, Гос. публ. науч. – техн. б-ка; Б. С. Елепов (отв. ред.). Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2011. С. 346–360.

Е. Б. Рашковский

**Библиотека, архив, музей: наукотворческое
призвание в эпоху электронных коммуникаций**

E. B. Rashkovsky

Library, Archive, Museum: Scientific and Scholarly Vocation

УДК 008, 930.2

Аннотация: статья представляет собой опыт анализа специфического мира библиотек, архивов и музеев с позиций современного теоретического науковедения. Этот специфический мир рассматривается в двух ракурсах: как непреложный депозитарий памяти постоянно развивающихся собственно научных и социогуманитарных знаний и как жизненно необходимая для науки и для генерации новых идей несводимая область интеллектуального общения.

Abstract: The foregoing discourse includes an analysis of the specific universe of libraries, archives and museums from the point of view of the present day Studies of Science. This universe is analysed according two basic approaches: It is described as an integral and as constantly developing part of the very memory of scientific as well as humanities' knowledge in their interconnection; It is also described as vital and irreducible part of all the present day framework of intellectual communications.

Ключевые слова: библиотека, архив, музей, наука, гуманитария, науковедение, мышление, история, источники познания, электронные коммуникации, память.

Keywords: library, archive, museum, science, Humanities, science of science, thinking, history, sources of cognition, electronic communications, memory.

Эту сквозную и животрепещущую проблему нынешней интеллектуальной, общекультурной и – не побоюсь сказать – общественной жизни мне бы хотелось рассмотреть в самом близком и понятном для меня теоретическом ракурсе – в ракурсе науковедения. Но прежде чем приступить к разговору, хотел бы заметить следующее. И в нормативном, и в юридическом плане функции библиотек, архивов и музеев – как хранителей национальной и общечеловеческой памяти и как резерва дальнейшего интеллектуально-духовного и социального развития – несводимы и специфичны. У них не вполне схожие нормативные и творческие установки, не вполне схожие стратегии и методы повседневной практики. Однако как раз в этой самой повседневной практике их функции и труды не могут не пересекаться друг с другом.

Действительно, и архивы, и музеи должны комплектовать, хранить и использовать свои внутренние профильные библиотеки; многие библиотеки и музеи располагают законодательно предусмотренными рукописными отделами или же рабочими рукописными материалами, сопутствующими отдельным коллекциям; коллекционные собрания библиотек трактуются как уникальные ценности, приравненные к достояниям музейным; наряду с музеями и библиотеками, и архивы ведут экспозиционную, а подчас и экскурсионную работу. Наконец, и библиотеки, и архивы, и музеи осуществляют серьезную и высокопрофессиональную публикаторскую работу, не говоря уже о популяризаторских трудах для широкой публики (лекции, радио- и телепередачи, статьи и заметки в популярной прессе) (о ценности популяризаторских трудов в системах научного знания речь пойдет ниже). Об этих практических пересечениях можно говорить и писать до бесконечности [см., напр.: Экспозиция..., 2014]. Но мне хотелось бы поговорить – именно с науковедческой точки зрения – об общих и сквозных темах в проблематике и трудах библиотек, архивов, музеев.

Начну прежде всего с существенных современных сдвигов в самом понятии «наука». На мой взгляд, прежнее категорическое различие «строгой» науки (Science) и «нестрогих» Humanities ныне утратило смысл. Самый облик науки предстоит современному взору как некое рациональное единство дисперсных, но тем не менее взаимосвязанных знаний о природе, мышлении, человеке и, в конце концов, знаний науки, этой особой формы взаимодействия человека и Вселенной, о самой себе.

Так или иначе, нормально развивающаяся наука-Science не может обойтись без некоторой гуманитарной подоплеки (которая бы включала в себя и теоретически упорядоченные представления о мышлении, о языке и символе, об истории, о конкретно-исторических, социальных и психологических предпосылках научной деятельности) [Рашковский, 2010]. Что же касается наук-Humanities, то последние издавна включали в себя массу строгих и теоретически выверенных познаний, методов и процедур. Кроме того, благодаря «компьютерной революции» наука-Science (с ее развитыми поисковыми, ассоциативными и логическими навыками, с ее особой культурой выстраивания виртуальных моделей) необратимо выросла в общий процедурный и содержательный склад по-прежнему специфических, человечески ориентированных, гуманитарных знаний. А уж о чисто технологическом оснащении нынешних научно-гуманитарных исследований я и не говорю...

Далее, традиционная для научной мысли привычка относить мир библиотек, архивов и музеев к служебной «инфраструктуре» науки также ни в коей мере не оправдывает себя. Если со вниманием обращаться к историко-научным сюжетам от времен Античности и Средневековья (не говоря уже о временах великих буржуазных революций, т. е. о временах почти что современного наукотворчества), то, скорее, следовало бы определить этот мир как одну из содержательных и источниковедческих *сердцевин науки*. Или – как одну из непреложных *творческих лабораторий науки*. Ибо никакие серьезные теоретические обобщения и прорывы, никакие теоретические ревизии, на коих, собственно, и строится история научной мысли, невозможны без прямого или косвенного обращения к первоисточникам нашего познания – инструменту, рукописному или вещественному памятнику, книге, документу (на традиционных или современных носителях), справочному или экспериментальному материалу, прямому человеческому свидетельству (интервью, устному сообщению, личному наблюдению самого исследователя). На вопросе о *сердцевине* позволю себе остановиться подробнее.

Наряду с университетами, научными обществами и академиями, институтами, клиниками, лабораториями, заповедниками и ботаническими садами комплекс библиотек, архивов и музеев издавна был очагом не только хранения, накопления, развития, но и порождения знаний. Ибо – повторяю – никакое научное знание невозможно без работы над его источниками и без трудов тех людей, которые берут на себя задачи хранения и преумножения источниковедческой базы наших знаний. Более того, именно комплекс библиотечных, архивных и музейных учреждений в значительной степени берет на себя (ныне это во многом происходит благодаря Интернету) задачи информирования научного сообщества о своих сокровищах. И в самих процессах собирания, хранения, научного описания, каталогизации и информирования (вплоть до популяризации!) содержится, на мой взгляд, огромный науковедческий смысл.

Кстати, два слова о науковедческом смысле популяризации, каковые труды во многом ложатся именно на библиотечно-архивно-музейный комплекс. При всех упрощительных его издержках процесс популяризации играет незаменимую интегративную роль в жизни как научных сообществ, так и науки в целом: «полнота» специалиста, как замечал еще Козьма Прутков, «односторонняя»; средний ученый, как правило, недостаточно ориентируется за пределами относительно узкой сферы своих интересов и трудов. Учет этого обстоятельства тем более важен, что – если вспомнить многих методологов науки – прямое источниковое знание составляет хотя и необходимую, но лишь сравнительно малую часть в интеллектуальных запасах каждого из нас. Так что некоторая доля дилетантских знаний за пределами своей узкой сферы

жизненно необходима не только для конкретного научного спеца, но и для науки в целом. Тем паче что через область популяризации вершится и воспитание научной молодежи (одаренные старшие школьники, студенты), и процессы непрерывного и конструктивного собеседования Науки и Общества.

Вся эта работа по взаимному соотнесению разнообразных источников нашего познания (соотнесению, включающему в себя моменты не только логической упорядоченности, но и, казалось бы, случайного, внезапного соотнесения предметов, документов, текстов и идей) оказывается непреложной частью научной эвристики, наукотворческого процесса. Ибо научная деятельность включает в себя и элементы искусства – именно как прорыва к реальности через интуитивное, внезапное соотнесение вещей, образов, ритмов и понятий.

Более того, это творческое и вместе с тем требовательное, строгое отношение к источникам наших познаний приобретает особую актуальность именно в нынешнюю, «электронную», эпоху с ее верхоглядством и навязчивой *publicity*, с ее постоянной тягой к безответственным играм и «симулякрам». А некоторая осведомленность в проблематике как сопредельных, так и общенаучных познаний, не говоря уже об осведомленности общекультурной, лишь подкрепляет и поддерживает эту строгость. Подлинный лик ученого складывается из глубокой внутренней специализации и, одновременно, широты кругозора.

В связи же с проблемой *первоисточников* научного познания мне представляется особо насущным подчеркнуть значение публикаторской и археографической деятельности с этими первоисточниками – работы, которая может вестись не иначе, как в стенах учреждений библиотечно-архивно-музейного комплекса. Кто ведет эту работу – сотрудники этих учреждений, приходящие исследователи или те и другие вместе – вопрос второго порядка. Но важно понимать, что такого рода работа – не только источник выявления полузабытых или вовсе «уснувших» познаний, не только источник оживления и расширения пространств нашей памяти (еще Августин дивился рациональным процедурам и интуитивной быстроте ее организации! – *Confess., lib. 10, cap. IX, 16*) [о мире библиотеки как о некоторой модели информационных и смысловых связей внутри микро- и макрокосма см.: Рашковский, 2014], но и источник стимулирования инновационных сил на «передовом крае» науки [Прусс, 1985. С. 26].

Библиотечно-архивно-музейный комплекс (по выражению одного из создателей современного науковедения Д. де Солла Прайса, «*since Babylon*» [Price, 1961]) издревле был областью общекультурных и научных коммуникаций и контактов – формальных и неформальных, включая и воспитание научной молодежи.

Ныне же, когда обнаруживает свою вопиющую недостаточность индивидуальное и даже коллективное «зависание» в поисковиках и особенно в социальных сетях, и когда сама отечественная наука, повинувшись официальным сырьевым приоритетам, переживает период временного (хотелось бы надеяться!) организационного и содержательного упадка, и когда, одновременно, развиваются новые формы общения, популяризации и взаимного информирования, научные контакты в стенах и на сайтах библиотек, архивов и музеев приобретают некий новый, актуальный и, не побоюсь сказать, спасительный смысл. В нынешний нелегкий период истории отечественной науки интегративное научное призвание библиотечно-архивно-музейного комплекса приобретает особое значение.

Нынешним затяжным похмельем после революционной эйфории на гранях 1980-1990-х гг. оказывается высокая степень атомизации внутри научно-гуманитарного сообщества и его отрыв от широкого контекста общественной и культурной жизни [Живов, 2005]. Можно много рассуждать о причинах этой атомизации: о том, что значительную часть своего рабочего времени ученый проводит наедине с обезличивающим Интернетом; о том, что освобождение от мелочной идеологической опеки властей обернулось и сокращением финансирования; о том, что сам грантовый характер новых форм финансирования научных исследований (при неком-

петентности чиновников, управляющих наукою *извне*) способен сделать ее бессловесной жертвой произвола и вкусовщины «сверху» [Там же. С. 32–33]. О многом можно рассуждать...

Однако опыт историко-научных и науковедческих исследований показывает, что наука – это не только работа над теоретическими содержаниями и над их фактологической базой и не только безличное «управление». Наука есть еще и определенная *культура человеческого общения*, где дар учительства и ученичества, демократизм и доброжелательство, готовность помочь коллеге органически сочетаются с открытостью и критицизмом [Кузнецова, 2012; Розов, 2012]. А принцип подневольных «шарашек» может быть эффективен лишь на короткий срок, но отнюдь не в плане долговременного развития науки и общества. И посему именно в нынешние, трудные для отечественных социогуманитарных знаний, времена стóит лишний раз вспомнить мысль Н. В. Тимофеева-Ресовского о важности *личных* контактов и связей именно на крутых переломах истории и, соответственно, в условиях крутых казенных преобразований. Ибо во многом именно культурой личных контактов и связей спасаются и индивидуальные исследования, и теоретические направления, и целые научные коллективы [Тимофеев-Ресовский, 2000. С. 142–143].

Как и любая развитая живая система, наука обладает некоторыми свойствами самоисцеления и самовосстановления [Налимов, Мульченко, 1970]. И, думается, в этом процессе исцеления «схлопывающейся» в нынешних условиях общественной жизни (а наука есть неотъемлемый и несводимый элемент всего комплекса жизни человеческой) библиотечно-архивно-музейному комплексу – *комплексу памяти и общения* – принадлежит существенная роль [Рашковский, 2013].

Что еще важно для нашего науковедческого рассуждения: относительно малые формы библиотечно-архивно-музейного дела изначально вживлены в структуры «большой», «академической», «номенклатурной» науки (академии, университеты, исследовательские центры и институты). Без подобного рода структурных вкраплений институты Большой Науки вообще не могли бы, да и поныне не могут развиваться и существовать. А уж в эпоху электронных коммуникаций, в эпоху информационной проницаемости дисперсных научных коллективов, в эпоху интенсивных междисциплинарных связей это обстоятельство представляется особо наглядным. И, по всей видимости, эти малые формы также призваны стать одним из необходимых каналов пока еще не вполне налаженных взаимосвязей (взаимосвязей не обязательно формальных) Большой Науки и библиотечно-архивно-музейного комплекса в целом.

Итак, в нынешний непростой период истории отечественной науки интегративное научное призвание библиотечно-архивно-музейного дела приобретает особое значение.

Действительно, общим местом сотен и сотен нынешних устных и письменных выступлений стало указание на коллапс институциональной структуры науки в сегодняшней России. И при этом выдвигается наш извечный российский вопрос «кто виноват?». Одна лишь история? Одна лишь цивилизационная специфика России? Одно лишь государство? Одна лишь система бюрократического капитализма? Одни лишь технологические новации электронной эпохи? [Яковенко, 2014].

Однако при всех наших справедливых репримандах в адрес истории, государства и технологии (этого побочного детища фундаментальной научной мысли) иной раз бесполезно задаться и таким вопросом: а есть ли и некоторая доля вины научного сообщества и его лидеров в нынешних зловключениях научного знания, институтов и людей науки? Можно переформулировать этот же вопрос и таким образом: не является ли превращение науки в дискретные и бюрократизированные сгустки спецов свидетельством процессов отчуждения, бюрократизации и обессиления всей содержательной и организационной системы научного знания, в том числе и знания социогуманитарного?

На мой взгляд, именно этот вопрос о нынешнем отчуждении и атомизации науки с особой силой наводит на мысль об особом, несводимом и толком еще не осмысленном наукотвор-

ческом призвании всего библиотечно-архивно-музейного комплекса во всем многообразии и богатстве его учтенных и неучтенных функций (не говоря уже о человеческом его составе). Среди этих функций я позволил бы себе особо подчеркнуть важность и наукотворческую ценность человеческих интеллектуально-духовных контактов – между московскими учеными различных социогуманитарных специализаций, учеными Москвы и российских регионов, учеными России и зарубежья, разными поколениями самих ученых, между учеными, с одной стороны, и артистическими и конфессиональными средами – с другой, между исследователями-социогуманитариями и исследователями иных специализаций, между учеными и широкой публикой (включая и молодежь).

Нынешний (постсоветский) человек, чье эконом-центрическое мышление воспитано не на Марксе, не на Вебере, не на Шумпетере, но скорее на куплетах Мефистофеля, к тому же привыкший сидеть на «сырьевой игле», прочтя этот текст, вправе задаться вопросами: а как же экономика? а где же отдача всей этой науки со всей этой громоздкой массой библиотек, архивов, музеев? какая польза нашему благосостоянию ото всех этих затрат? возможен даже недоуменный вердикт с последней страницы гоголевского «Носа»: «...пользы отечеству решительно никакой...»

Однако на эту гроздь вопросов я бы ответил так.

Наука как таковая *прямой* экономической отдачи не сулит. Ее экономическая отдача вершится через область теоретически зависимых от нее прикладных исследований и технологических разработок – через область R D. И вероятно, не меньшая, если не бóльшая, отдача – через возделывание человеческого капитала нации. В частности, и через область «человеческих вложений» (human input). Причем отдача в самых разных областях жизни: в экологии, в медицине, в педагогике, в университетском деле, в высокой культуре общения... А сама по себе научная мысль – вещь всегда рискованная и разветвленная. Ибо имеет дело не столько с вещественными продуктами производства, сколько (и притом – в первую очередь!) именно с самой мыслью и с людьми, посвятившими себя мысли. Но там, где наука порабощена внешними по отношению к ней силами – идеологией, властью, чистоганом, она, в конце концов, перестает питать и технологию, и экономику, и общество.

Наука действительно затратна. Но когда у нее не отбиты память и интеллектуально-духовный потенциал, она сторицею окупает себя, раскрывая перед людьми новые горизонты – и новые проблемы. Страх новизны психологически понятен. Всякая новизна означает сложное переплетение обретений и потерь. Возможно, однако, что многотрудное расширение проблемного поля жизни и есть непреложная часть нашего все еще продолжающегося человеческого филогенеза. Филогенеза, переместившегося из области чисто физических и вещественных отношений (весьма сложные и тонкие отношения вещественного порядка, основанные на инстинкте, мы можем различить и в муравейнике, и в птичьем гнездовании, и в бобровой запруде) прежде всего в проблематичную область мысли и культуры.

Библиография

Живов В. М. Наука выживания и выживание науки // Новое литературное обозрение. 2005. № 74. С. 25–33.

Кузнецова Н. И., Розов М. А., Шрейдер Ю. А. Объект исследования – наука. М.: Новый Хронограф, 2012. 560 с., илл.

Налимов В. В., Мультченко З. М. Наука и биосфера: опыт сравнения двух систем // Природа. М., 1970. С. 55–63.

Прусс И. Е. Куда, откуда, почему // Знание – сила. М., 1985. № 7. С. 25–27.

Рашиковский Е. Б. Библиотека и «электронная революция»: о призвании современной библиотеки // Материалы Международного конгресса «Библиотека как феномен куль-

туры» (Минск, 23–24 октября 1913 г.). Минск: Национальная библиотека Беларуси, 2013. С. 16–24.

Рашковский Е. Б. Мир социогуманитарных знаний и мир Науки // Экзистенциальный опыт и когнитивные практики в науках и теологии / Под ред. И. Т. Касавина и др. М.: Альфа-М, 2010. С. 113–130.

Рашковский Е. Б. Новый лик библиотеки в эпоху электронных коммуникаций // 150 лет на службе науки и просвещения: сборник материалов междунар. науч. конференции, посвященной 150-летию открытия для публики Чертковской библиотеки, 75-летию бренда «Государственная публичная историческая библиотека» и 130-летию открытия Государственного исторического музея, состоявшейся 5–6 декабря 2013 г. М.: ГПИБ России, 2014. С. 395–408.

Розов М. А. Философия науки в новом видении. М.: Новый Хронограф, 2012. 440 с.

Тимофеев-Ресовский Н. В. Истории, рассказанные им самим, с письмами, фотографиями и документами. М.: Согласие, 2000. 880 с., илл.

Экспозиция литературного музея в современном мире. Традиции и новации. История литературного музея: коллекции, экспозиции, сотрудники... / Сост. Г. В. Великовская. М.: Летний сад, 2014. 180 с.

Яковенко И. Г. Россия и модернизация в 1990-е годы и последующий период: социально-культурное измерение. М.: Новые Знания, 2014. 320 с.

Price D. de S. Science since Babylon. N. Haven: Yale Univ. Press, 1961. X, 149 p.

Е. А. Воронцова

**Информационное обеспечение исторической науки
и музеев – библиотеки – архивы как хранилища
информации: теория, методология, практика**

E. A. Vorontsova

**Information Support of Historical Science and the
Museums – Libraries – Archives as Repositories
of Information: Theory, Methodology, Practice**

УДК 930.2; 069; 004

Аннотация: в статье дается сжатый очерк проблемы информационного обеспечения исторической науки, ее теоретико-методологических аспектов, взаимодействий на этом поприще с музеями – библиотеками – архивами как особого рода информационными ресурсами, хранителями социальной памяти. Констатируется интерес к этой проблеме, ее недостаточная от-refлексированность научным и музейным сообществами и необходимость дальнейшего исследования.

Abstract: The article provides a succinct essay on the problem of information support of historical science, its theoretical and methodological aspects, interactions in this field with museums – libraries – archives as a special kind of information resources, custodians of social memory. The authors state interest in this issue, as well its poor state of knowledge in scientific and museum communities and the need for further research.

Ключевые слова: историческая наука, музееведение, информация, информационное обеспечение, информационная инфраструктура, музеи – библиотеки – архивы, взаимодополняемость, саморефлексия, коммуникация, апробация проблемы.

Keywords: historical science, museology, information, information support, information infrastructure, museums – libraries – archives, complementarity, selfreflection, communication, testing problems.

И наука (историческая наука в том числе), и музеи – библиотеки – архивы являются порождением человеческого разума и служат удовлетворению, пожалуй, главной потребности человека – познавать мир во всех его проявлениях, идентифицировать себя в этом мире, искать и находить смысл в своем существовании. Этим определяется их родство. Но есть и отличия, связанные с тем, что они удовлетворяют главную потребность разными способами, методами, средствами, благодаря чему позволяют человеку смотреть на мир с разных сторон, стереоскопически. Из такого сочетания родства и отличия вытекает необходимость науки и музеев – библиотек – архивов друг для друга, их взаимодополняемость, возможность взаимодействовать, многократно усиливая свой познавательный, репрезентационный и адаптационный потенциал в интересах *Homo cognitionis* (человека познающего).

Для удовлетворения потребности в знании человек должен совершать некие действия по добыванию, усвоению и производству информации (деятельностный аспект), получать результаты – новую информацию, фиксировать ее в социальной памяти с помощью исторических источников (музейных предметов, изданий, документов), хранить (в музеях – библиотеках – архивах) и репрезентировать для передачи следующим поколениям. Получается, что информация выступает в двух ипостасях – пищи для ума и его порождения, произведенного им «про-

дукта», а информационное обеспечение включает в себя, с одной стороны, деятельность по поиску, сбору, обработке, накоплению и хранению, распространению и использованию репрезентативной и достоверной информации, необходимой для решения поставленных задач (в нашем случае – в области изучения истории), а с другой – саму такую информацию, определенным образом структурированную и представленную в удобном для ее «потребителя» (исследователя) виде.

Нами уже отмечалось (библиографию *см.* в идущей далее статье «Музей как базовый элемент информационной инфраструктуры исторической науки»), что постановка данной проблемы применительно к исторической науке (и шире – к гуманитарным наукам) стала возможной благодаря наработкам в области информационных технологий, управления персоналом, экономики, социологии, политехнологий, где информационное обеспечение трактуют как фундаментальную проблему, и особенно благодаря работам Н. Е. Каленова, который сформулировал эту проблему применительно к науке в целом, разработал ее теоретико-методологические аспекты и вместе с коллегами применил на практике в деятельности руководимой им Библиотеки по естественным наукам РАН [Каленов, 2007; 2008].

Принципиальное значение имеет введение положения, перенесшего центр тяжести с технологий (форм, способов, инструментария) на содержание деятельности по приращению научного знания: информационное обеспечение есть фактор самоорганизации и саморегуляции науки на основе саморефлексии. Оно позволило по-иному понять роль в информационном обеспечении исторической науки исследований в области источниковедения и исторической информатики, включая применение количественных методов (И. Д. Ковальченко, Л. И. Бородин), когнитивной истории (идея О. М. Медушевской об информационном ресурсе и др.), историографии, задача которой – анализ текстов, отражающих саморефлексию исторической науки и являющихся результатом рефлексии историков в поле их профессиональной деятельности (Л. П. Репина, А. В. Полетаев, И. М. Савельева и др.).

Что касается самой информации, то для исторической науки важно, чтобы она была структурирована так, чтобы наилучшим образом обеспечивать сохранение в актуальном состоянии и приращение научного знания и минимизировать информационные шум и энтропию, удовлетворять потребности конкретных исследователей, научных школ, направлений. Информация должна отвечать критериям, достаточно хорошо описанным в источниковедении: быть достоверной, точной, репрезентативной (это делает возможным корректный перенос на генеральную совокупность результатов, полученных при анализе выборки), необходимой и достаточной для исследования. Целью описания, изучения, ранжирования, группировки исторических источников является создание условий для максимально полного извлечения из них информации. При нашем подходе важное место отводится ее фиксации, аккумуляции, сжатию – и, в числе прочего, изучению в этом отношении справочных библиографических изданий и энциклопедий (сводов устоявшихся, апробированных и легитимированных научным сообществом знаний, играющих особую роль в продвижении научных взглядов к читателям, их закреплении в общественном сознании).

Такое понимание проблемы информационного обеспечения исторической науки определило и наш взгляд на роль музеев – библиотек – архивов в оном. Как базовые элементы ее информационной инфраструктуры (подробно об этой роли музея – в идущей далее нашей статье) они выполняют функции информационного ресурса, места аккумуляции и (в большей или меньшей степени) репрезентации исторического знания, места коммуникации носителя знания (историка, автора экспозиции, публикатора и т. д.) с познающими субъектами, но выполняют их по-своему, что связано с их спецификой. В музеях и архивах сосредоточиваются первоисточники, подлинные свидетельства прошлого: в архивах – это документы, главным образом письменные источники; в музеях преобладают «вещи», т. е. источники невербальные. В отличие от них библиотеки хранят информацию, запечатленную в виде разного

рода изданий, т. е. вторичную, полученную на основе анализа первоисточников; и собирают они эту информацию прежде всего с целью предоставлять ее «потребителям» – читателям.

Музейные собрания, фонды библиотек и архивов с точки зрения историка являются репрезентативной, систематизированной выборкой исторических источников (первичных, вторичных и т. д.); для исследователя это – и их преимущество (готовая выборка сберегает время поиска источников информации), и недостаток (т. к. выборка осуществлена не под цели и задачи данного исследования). Основная задача упорядочения собраний, фондов заключается в том, чтобы обеспечить наилучшую сохранность составляющих их музейных предметов, документов, изданий и их актуализацию – при обязательном условии корректного использования (в музеях – главным образом в виде экспозиций и выставок, т. е. «текстов», где доминирует невербальная информация). Полноценное их функционирование в качестве информационных ресурсов требует совершенствования стратегий комплектования, описания, типологического и сравнительно-исторического изучения музейных предметов – документов – изданий, а также методов, разрабатываемых источниковедением (историческим, музейным).

Экспозиции и выставки музеев как место репрезентации исторического знания представляют собой информационные системы, предназначенные для актуализации информации: при посредстве экспонатов исторический процесс отображается так, как он осмыслен авторами экспозиции, и воспринимается посетителями благодаря их способности к рефлексии. В архивах и особенно в библиотеках основное место репрезентации – читальные залы.

Выполнение этих двух функций невозможно без коммуникации участников информационного процесса, происходящего в рамках и на базе музеев – библиотек – архивов. Для информационного обеспечения исторической науки первостепенное значение имеет коммуникация хранителя информации и историка-профессионала, осуществляемая с целью получения нового знания (в результате извлечения информации из музейных предметов – документов – изданий) и его репрезентации в формах, присущих каждому из рассматриваемых хранилищ информации. Ее эффективность во многом зависит от технологий, которые должны быть адекватны решаемым задачам. В исторической науке и в музееведении им уделяется настолько большое внимание, что сформировались специальные дисциплины – историческая и музейная информатики. Адресатом в первом случае является исследователь, во втором – музейный посетитель и музейный сотрудник; первая «обслуживает» познавательную (научную) деятельность, для второй важнее прикладные аспекты.

Возможность симбиоза исторической науки и хранилищ информации (музеев – библиотек – архивов), о которой сказано выше, помимо прочего вытекает из предназначения этих институтов социальной памяти и их потребности друг в друге для его реализации: музеи – библиотеки – архивы аккумулируют и хранят отобранные на основе четкой системы принципов, разработанных музееведением – библиотековедением – архивоведением, репрезентативные совокупности источников информации, историческая наука извлекает из них информацию, накапливая знания о прошлом, а затем музеи – библиотеки – архивы (наряду с другими «потребителями») используют ее далее в своей деятельности. Отбор источников и структурирование информации для нужд хранилищ информации и для нужд науки совпадают лишь отчасти, что понятно (у каждого из них свои цели, задачи, функции), но именно это позволяет им взаимодействовать, использовать методы друг друга, обмениваться результатами своей работы, осуществлять коммуникацию научного и музейного, библиотечного, архивного сообществ (работающие в них историки применяют там профессиональные знания и навыки; сотрудники музеев – библиотек – архивов преподают в вузах, системе повышения квалификации и непрерывного образования, передавая свой опыт, и т. д.).

Теоретическое осмысление проблемы информационного обеспечения исторической науки и роли музеев – библиотек – архивов в нем требует методологического подкрепления, что позволит рационализировать деятельность по поиску, сбору, обработке, накоплению и хра-

нению, распространению и использованию информации. Очевидное следствие такой рационализации – повышение коэффициента полезного действия исследовательского процесса за счет снижения затрат сил, времени, средств на формирование качественных информационных ресурсов, на актуализацию хранимого музеями – библиотеками – архивами историко-культурного наследия, на вовлечение его в научный оборот. Как настоящая сегодня ощущается потребность в комплексном изучении имеющихся ресурсов для того, чтобы сопоставить и соотнести друг с другом ресурсы традиционные и электронные, виртуальные, чтобы устранить дублирование, выявить образовавшиеся лакуны и приступить к их системному заполнению.

Изучение практической деятельности по информационному обеспечению исторической науки, ее достижений и ошибок, моделей, технологий позволит глубже понять поставленную проблему и проверить соответствие сформулированных теоретико-методологических посылок реальности, показать «уходы» (из актуального состояния) и «возвраты» информации, представить эту деятельность во всем ее многообразии и конкретике, выявить этапы ее развития в контексте истории науки и культуры, создать целостную картину. Полученные при этом результаты могут дать бесценный материал для совершенствования этой деятельности в условиях информационной эпохи (со всеми ее преимуществами и рисками, связанными с нарастанием скорости течения информационных процессов и гипертекучестью информации в виртуальном цифровом пространстве), в том числе и в плане взаимодействия с музеями как хранителями овековеченной памяти человечества, а также с библиотеками и архивами.

Апробация поставленной нами проблемы принесла уже некоторые плоды, зафиксированные не только в наших статьях, но и в сборниках материалов конференций, в рамках которых проходило ее обсуждение. Предтечей ее постановки можно считать сборник 2002 г., вошедший в списки литературы ряда вузовских курсов по музеологии [Современная историография и проблемы содержания..., 2002]; идею тогда, как и теперь, поддержали в ГИМе (В. Л. Егоров, Л. И. Скрипкина). Впервые же проблема рассматривалась применительно к библиотекам в 2013 г. на юбилейной конференции ГИМа и ГПИБ России [150 лет на службе науки и просвещения, 2014; Бородкин, Воронцова, Мироненко, 2013]. На II Всероссийской конференции «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения» 2014 г. (Институт истории СО РАН, Новосибирск) она стала одной из основных – прозвучала и на пленарном заседании, и на специальной секции [Современные тенденции в развитии музеев и музееведения, 2014], а на научно-практическом семинаре в марте 2015 г., посвященном Году литературы в России (основные организаторы – ГИМ и Государственный литературный музей), была центральной.

Многочисленность участников этих мероприятий, институциональный и географический охват, отклики на публикации, объемность и представительность издаваемого сборника являются показателем интереса к проблеме информационного обеспечения исторической науки. Судя по статьям публикуемого сборника, более восприимчивы к ней оказались историки – сотрудники музеев, чья основная функция – работа с источниками, музееведы (в силу особого интереса к музею), культурологи и представители негуманитарных наук с философским складом ума, проявляющие интерес к истории науки в целом и «своих» наук, информатики, от сугубо технологических аспектов перешедшие к анализу информационных процессов в контексте тех объектов, к которым эти технологии применяются.

В то же время характер обсуждений, статьи в уже опубликованных сборниках и в сборнике публикуемом показывают, что проблема еще не отрефлексирована в должной мере. Требуют дальнейшего исследования теоретико-методологические подходы к ней, а также собственно история информационного обеспечения исторической науки. Мы надеемся, что волна интереса не угаснет и такие исследования появятся в ближайшем будущем.

Библиография

150 лет на службе науки и просвещения: сборник материалов Юбилейной международной научной конференции, Москва, 5–6 декабря 2013 г. / Гос. публ. Ист. б-ка России. М., 2014. С. 363–508.

Бородкин Л. И., Воронцова Е. А., Мироненко С. В. Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 6. С. 572–577. DOI: 10.7256/2222-1972.2013.6.11513.

Воронцова Е. А. Историческая наука и музей: «нам не жить друг без друга» // Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев. По материалам «круглого стола», состоявшегося 18 мая 2001 г. в Орле. М.: ГИМ, 2002. С. 8–16.

Воронцова Е. А. Роль музея в информационном обеспечении исторической науки // Историческая информатика. 2014. № 2–3. С. 124–129.

Каленов Н. Е. Библиотеки и информационное обеспечение науки в современных условиях // Информационные ресурсы России. 2008. № 1. С. 12–15.

Каленов Н. Е. Библиотеки ЦБС БЕН РАН и информационное обеспечение науки // Новые технологии в информационном обеспечении: Сб. науч. трудов. М.: Научный мир, 2007. С. 9–20;

Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев. По материалам «круглого стола», состоявшегося 18 мая 2001 г. в Орле / [сост.е. А. Воронцова, Л. И. Скрипкина]. М.: ГИМ, 2002. 295 с.

Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 29 сентября – 3 октября 2014 г.) / Отв. ред. В. А. Ламин, О. Н. Шелегина. Новосибирск: Автограф, 2014. 223 с.

Музей в информационной инфраструктуре исторической науки

A Museum in Information Infrastructure of Historical Science

Е. А. Воронцова

Музей как базовый элемент информационной инфраструктуры исторической науки¹

Е. А. Vorontsova

A Museum as a Basic Element of Informational Infrastructure of Historical Discipline

УДК 069, 930.2

Аннотация: статья посвящена важному аспекту проблемы информационного обеспечения исторической науки – музею как базовому элементу ее информационной инфраструктуры. Содействуя увеличению объема и разнообразия информации, совершенствованию ее качественных параметров, и музей, и историческая наука играют существенную роль в увеличении хронологической глубины социальной памяти, противостоят информационной энтропии, но добиваются этого разными способами. Механизмы их взаимодействия во многом определяются тем, что оба эти социальных института являются сложно организованными развивающимися системами, каждая со своей структурой и инфраструктурой. В статье анализируются черты сходства и отличия их инфраструктур, то, как регулируются взаимодействия этих систем друг с другом, а также элементов внутри каждой из них. Постановка вопроса об информационной инфраструктуре потребовала рассмотреть историческую науку и музей как информационные системы; при этом оказалось возможным взглянуть на них и как на базовые элементы информационной инфраструктуры друг друга. Было установлено, что в качестве базового элемента инфраструктуры исторической науки музей выполняет функции информационного ресурса, места репрезентации исторического знания и коммуникации носителя знания (историка, автора музейной экспозиции) с познающим субъектом (учащимся, неспециалистом в области истории).

Abstract: The article is dedicated to an important aspect of informational support of historical discipline – to a museum as a basic element of its informational infrastructure. By helping increase volume and variety of information and perfect its quality, both a museum and historical discipline play an important role in the deepening of historical memory, fights informational entropy, but do in different ways. Mechanisms of their co-operation are defined by the fact that both social institutions are complex and developing systems, each with its own structure and infrastructure. The article analyses similarities and differences of their infrastructures, the way the cooperation of the systems is regulated, and elements within each of these. The question about informational infrastructure required to interpret historical discipline and a museum as informational systems; thus

¹ Впервые опубликовано: Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Вып. 49. М.: ИВИ, 2014. С. 163–189.

it becomes possible to view these as basic elements of each other's informational infrastructure. It has been concluded that, being a basic element of the infrastructure of historical discipline, a museum functions as an informational resource, a place of the representation of historical knowledge and of the communication of a bearer of knowledge (a historian, a curator) with a perceiving subject (a student, a visitor who is not an expert on history).

Ключевые слова: историческая наука, музей, информационная инфраструктура, социальная (историческая) память, музееведение/музеология, исторический источник/музейный предмет, информационные стратегии, репрезентация исторического знания, коммуникация, технологические аспекты.

Keywords: historical discipline, museum, informational infrastructure, social (historical) memory, museum studies / museology, historical source / museum object, informational strategies, representation of historical knowledge, communication, technological aspects.

В развитии исторической науки вторая половина XX – начало XXI в. были ознаменованы существенными трансформациями, порожденными прежде всего натиском новых информационных технологий, возрастанием скорости протекания информационных процессов, обретением информационным пространством новой конфигурации, и с формированием, в итоге, информационного общества. В этих условиях особое значение получило ее информационное обеспечение, осознанное наконец и как научная проблема, в том числе в связи музеем [Бородкин, Воронцова, Мироненко, 2013; Воронцова 2014(а); Воронцова, Гарскова, 2013; Воронцова 2014(б)]. В статье речь пойдет об одном из важных аспектов проблемы информационного обеспечения исторической науки – о музее как базовом элементе ее информационной инфраструктуры. Для доказательства того, что такая посылка верна, мы прежде всего рассмотрим музей и историческую науку как социальные институты, их функции и структуру, сосредоточив внимание на точках пересечения – на тех потребностях, для удовлетворения которых они нужны друг другу.

Массив исследований, посвященных музею и исторической науке, насчитывает множество работ (монографий, отдельных статей, сборников) и содержит достаточный объем информации для постановки и исследования вопроса. По ходу рассмотрения конкретных сюжетов на них будут даны ссылки (в силу ограниченности объема статьи – таким образом, чтобы библиографии этих работ дополнили ее библиографию). Отметим, что проблема взаимосвязей исторической науки и музея привлекала внимание исследователей в меньшей степени. Констатируя ограничения такого подхода, большинство музееведов все же сходятся на том, что музей – социокультурный институт, предназначение которого – сохранение культурного наследия (в форме музейных предметов и их совокупностей – музейных коллекций и музейных собраний) [Воронцова, Сундиева, Каулен, Кузина, Дьячков, Чистотинова, 1997; Каулен, 2009; Музееведение и историко-культурное наследие..., 2006–2012, и др.], а также трансляция культурного опыта от поколения к поколению и тем самым сохранение единого культурного пространства [Газалова, 1995. С. 10–12; Музейное дело России..., 2003, 2006, 2010; Пономарев, 2002; Сапанжа, 2011]. В Уставе Международного совета музеев (ИКОМ) музей характеризуется как постоянное некоммерческое учреждение, находящееся на службе общества, открытое для людей, приобретающее, сохраняющее, изучающее, популяризирующее и экспонирующее в образовательных, просветительных и развлекательных целях «материальные свидетельства человека и окружающей среды». Емкое и точное определение музея дано в «Российской музейной энциклопедии»: «Музей – исторически обусловленный многофункциональный институт социальной памяти, посредством которого реализуется общественная потребность в отборе, сохранении и репрезентации специфической группы культурных и природных объектов, осо-

знаваемых обществом как ценность, подлежащая изъятию из среды бытования и передаче из поколения в поколение, – музейных предметов» [Российская музейная энциклопедия, 2001. Т. 1. С. 395]. Изучение музея через призму категории памяти – одно из самых перспективных направлений в современном музееведении [Божченко, 2012; Грусман, 2007; Шнирельман, 2010; и др.].

В контексте нашей проблематики особенно значимо осмысление исследователями миссии музея. Нам созвучны мысли Н. Ф. Федорова – о том, что в музее мы имеем единство «исследования, учительства и деятельности», что «истинный музей есть музей всех трех способностей души, объединенных в памяти», и «только память делает благо всеобщим»; Л. С. Именновой – о том, что в музее должны производиться мировоззренческие смыслы, что музей должен быть посредником в процессе восприятия человеком опыта истории, учить человека смотреть на мир в культурно-исторической перспективе, помогать ему в его культурной идентификации; А. А. Сундиевой – об обретении музеем статуса культурной нормы [Федоров, 1995; Именнова, 2011; Сундиева, 2001. С. 210–215].

Из сказанного вытекает вполне определенный набор традиционно выделяемых социальных функций музея [Артемов, 2001; Социальные функции музея..., 1989. С. 186–204; Равикович, 1987; Юренева, 2003; и др.]: документирование и образовательно-воспитательная. В конце XX в. были добавлены функции рекреационная и коммуникативная, репрезентативная, информационная, эстетическая и некоторые другие. Хранение и изучение музейных предметов одни исследователи включают в документирование (нам ближе эта позиция), другие считают самостоятельными функциями. Наиболее значимы для рассматриваемой проблемы функции документирования, а также репрезентативная и информационная. В понимании документирования мы придерживаемся посылок, четко сформулированных в музееведении: это – «извлечение из окружающей среды (в том числе из внемузейных хранилищ) предметов, свидетельствующих, т. е. заключающих в себе информацию, об истории и современном состоянии природы и общества» [Закс, 1991. С. 52]; выявление и отбор объектов природы и созданных человеком предметов, которые могут выступать подлинными (аутентичными) свидетельствами объективной реальности и после включения их в музейное собрание становятся знаком и символом конкретного события и явления, это свойство музейного предмета отражать действительность раскрывается в процессе его изучения и научного описания. Таким образом, процесс документирования предполагает: выявление, отбор и извлечение из среды бытования объектов, являющихся аутентичными свидетельствами об объективной реальности и становящихся в результате этой процедуры музейными предметами (комплектование музейных фондов); хранение таких свидетельств; их изучение, и на этой основе – систематизацию и формирование музейных коллекций [Сборники НИИ культуры..., 1979, 1980, 1981; Изучение музейных коллекций..., 1974; Музей и современность..., 1982; Финягина, 1974; и др.].

Одним из следствий реализации музеем своих функций стало формирование специальной отрасли знаний – науки о музее (музееведении, музеологии), имеющей собственную систему вспомогательных дисциплин (музейные источниковедение, информатика, педагогика и др.) [Музееведение в России первой трети XX века..., 1997; Музееведение: Вопросы теории и методики..., 1987; Музееведческая мысль в России..., 2010; Основы советского музееведения..., 1955; Очерки истории музейного дела в СССР..., 1960–1971; Сапанжа, 2008; Терминологические проблемы музееведения..., 1986; Томилов, 1998; Шляхтина, 2013; и др.]. Развитие этой науки, в свою очередь, стало существенным фактором полноценного развития музея как социального института и как сложноорганизованной системы, необходимой человеку для удовлетворения его базовых потребностей; фактором, часто задающим вектор коммуникации музея с другими институтами (и наукой в том числе).

Некоторые аспекты проблемы взаимосвязи и взаимодействия исторической науки и музея уже привлекали внимание исследователей [Современная отечественная история..., 2000; Дукельский, 1997; Лаптева, 2006; Мастеница, 2010; Научные основы работы музеев..., 1980; Тишков, 1979]. Остановимся на тех, которые наиболее значимы с нашей точки зрения.

Историческая наука, как и музей, в большей степени обращена к прошлому, чем к настоящему: музей хранит его подлинные свидетельства, историческая наука с помощью таких свидетельств – исторических источников – собирает и накапливает знания о нем. Однако оба социальных института при этом работают на будущее – на сохранение и развитие в человеке человеческого. Объект исторического познания не существует в современной исследователю реальности, отсюда – необходимость обращаться к хранимым музеем (а также архивом и библиотекой) свидетельствам прошлого (выступающим тут в роли исторических источников). В этом контексте безусловно остаются актуальными высказывания Н. Ф. Федорова о связи музея и науки: «Музей есть не собрание вещей, а собор лиц; деятельность его заключается не в накоплении мертвых вещей, а в возвращении жизни останкам отжившего... Знание отвлеченное не может быть всеобщей обязанностью, знание же причин, делающих нас врагами, не может не быть долгом для всех, так как оно не может остаться только знанием, а станет делом, религией, примиренной с наукою... Исследование же, т. е. наука, не может уже оставаться только отвлеченным знанием; она должна сделаться исследованием причин, препятствующих всем нам быть членами музея, исследователями, и соединиться воедино для отеческого дела» [Федоров, 1995. С. 370].

Деятельностный аспект присущ исторической науке, как и музею, только это – познавательная деятельность, имеющая целью выработку объективных, системно организованных и обоснованных знаний об окружающем человека мире, о социальных общностях людей и результатах их деятельности – знаний, обладающих качеством научных (истинных, рациональных) ценностей, являющихся «институциональными регулятивами познавательной деятельности».

Как и музей, историческая наука может быть определена как институт социальной (исторической) памяти, посредством которого реализуется потребность человека в познании самого себя и своего социального бытия во времени и пространстве [Булдаков, 2013(а); 2013(б); Нестеренко, 2012. С. 284–288; Никифоров, 2013; Репина, 2010; 2004; Ростовцев, Сосницкий, 2014; и др.]. Происходит это путем выявления, отбора, накопления, систематизации, сохранения, актуализации (воспроизводства) и передачи субъекту исторического процесса (индивиду и обществу в целом) осмысленной и определенным образом интерпретированной информации о прошлом. Содействуя нарастанию объема и разнообразия информации, совершенствованию ее качественных параметров, и музей, и историческая наука играют чрезвычайно важную роль в увеличении хронологической глубины социальной памяти, противостоят информационной энтропии [Воронцова, 2014(в). С. 9–15] и тем самым работают на благо общества. Однако нужного результата они достигают разными способами. Главное предназначение музея – аккумуляция подлинных свидетельств прошлого и их репрезентация членам социума, а предназначение исторической науки – извлечение информации из этих свидетельств (обретающих в данной ситуации статус исторического источника) и приращение знания. При этом происходит переход информации потенциальной, скрытой в источнике, в актуальную научную информацию, обладающую качествами достоверности, репрезентативности, системности и выраженную почти исключительно в вербальной форме. А поскольку все это осуществляется ради человека и общества в целом, оказывается необходимой трансляция знания, его передача специалистами-историками членам общества (в идеале – всем) и его освоение (усвоение) этими последними. И тут вновь вступает в дело музей.

Для исторической науки музей более всего важен в двух отношениях – как социальный институт, аккумулирующий отобранные на основе достаточно четкой системы принципов (и

потому репрезентативные) совокупности исторических источников, а также репрезентирующий (транслирующий) научное историческое знание в такой специфической форме публикации, как музейная экспозиция и музейная выставка. В свою очередь, историческая наука для музея является источником знания (информации), необходимого для изучения музейных предметов и их коллекций, с одной стороны, и для разработки концепций музейных экспозиций и музейных выставок – с другой.

Механизмы взаимодействия исторической науки и музея во многом предопределяются тем, что оба названных социальных института являются сложно организованными развивающимися системами, каждая со своей структурой и инфраструктурой, которые претерпели существенные трансформации в информационном обществе. Точную характеристику процессов, происходящих ныне в науке, дала Н. П. Лукина, в свою очередь апеллирующая к В. С. Степину: «Исследовательский интерес смещается от собственно логико-методологического анализа науки к ее социальным и культурным основаниям. По-новому формулируется сама проблема оснований науки, которые, по мнению В. С. Степина, „выступают, с одной стороны, компонентом внутренней структуры науки, а с другой – ее инфраструктуры, которая опосредует влияние на научное познание социокультурных факторов и включение научных знаний в культуру соответствующей исторической эпохи“ (Степин В. С. *Философская антропология и философия науки*. М., 1992. С. 11). Следовательно, анализу подлежат не только внутренние для философии науки проблемы, но и мировоззренческие вопросы, связанные с переосмыслением динамики и трансформаций современной науки. Это предполагает рефлексию по поводу того, как меняется роль науки в жизни общества, как выстраиваются ее отношения с экономикой, культурой, идеологией, властью и другими социальными сферами» [Лукина, 2007].

В самом сжатом, систематизированном виде представления о структуре, т. е. совокупности устойчивых связей, упорядоченности и способах взаимодействия элементов системы (институтов, ролей, статусов) и исторической науки, и музея выражены в их классификациях. При всем их разнообразии применительно к исторической науке речь идет о ряде частных наук, специальных и вспомогательных исторических дисциплин, истории определенных периодов и регионов, а применительно к музею – о профильных и иных группах, типах и видах музеев [Воронцова, 2003 – эта классификация охватила весь спектр музеев, стала общепринятой; при ссылках автора указывают редко; Чувилова, 2009; и др.], выполняющих различный набор по-разному сочетающихся функций. В контексте рассматриваемой проблемы наиболее значима профильная группа исторических музеев, многочисленная и имеющая достаточно сложную структуру [см.: Балакирев, 2008; Каспаринская, 1973; *Музееведение. Музеи исторического профиля...*, 1988; Разгон, 1993; Станюкович, 1978; Сундиева, 2003; Шмит, 1919; и др.], а также музеи, существующие в системе науки [Сокровища академических собраний Санкт-Петербурга..., 2003; *Музеи Российской академии наук...*, 1998–2012; Чумакова, 2005; и др.]. «Ядро данной группы составляют музеи Российской академии наук (многие из них являются старейшими и крупнейшими музеями, пользуются мировой известностью), отраслевых академий (Академии медицинских наук, Академии педагогических наук), отраслевых научно-исследовательских учреждений, ряда университетов. Особое их качество определяют, на наш взгляд, доминирующая социальная функция, по которой они могут быть определены как научно-исследовательские, а также ведомственная принадлежность научно-исследовательскому учреждению» [Воронцова, 2001. С. 221]. Эта последняя группа помимо музеев, по профилю непосредственно относящихся к историческим музеям, интересна тем, что одна из основных ее функций – документирование истории развития различных отраслей науки.

Инфраструктура и исторической науки, и музея как институтов социальной (исторической) памяти представляет собой комплекс ресурсов и материально-технических средств, необходимых для обеспечения их нормальной жизнедеятельности и реализации социального предназначения – воспроизводства, хранения (и в итоге – сохранения) этой памяти в форме

знания о прошлом (ретроспективной информации), памятника истории, музейного предмета. Она выполняет функцию регулятора взаимодействий как элементов внутри каждой из двух систем, так и самих этих систем друг с другом (и с другими системами тоже), отсюда – важное значение процесса коммуникации и организации управления объектами инфраструктуры. От того, насколько она адекватна потребностям конкретного социума в конкретный момент, и от того, насколько индивиды и их группы готовы следовать выработанным для достижения целей правилам, зависят возможность и эффективность взаимодействий и достигаемый результат.

Важную роль в структуре и инфраструктуре (и в процессе социализации) играют сосуществующие и сменяющие друг друга сообщества (научные, музейные), которые подразделяются на сообщества формальные (институт, научный или образовательный центр и т. п.) и неформальные (научные школы, объединения по интересам и т. п.) [Корзун, 2003; Мягков, 2000; и др.].

Инфраструктуры музея и исторической науки наряду с чертами сходства имеют и отличия, вытекающие из специфики функций этих социальных институтов. Инфраструктура музея ориентирована на обслуживание музейного посетителя, который «потребляет» информацию, репрезентируемую по преимуществу в форме музейных экспозиций и выставок. Главная задача – обеспечить ему доступность этих последних и максимально комфортные условия для его возможно более длительного нахождения в музее. Из этого логично вытекают доминанты – меры доступности музея и музейных услуг для различных категорий посетителей, площадки и помещения для проведения мероприятий, инфраструктура информационная (сайты, каталоги, путеводители, аудиогиды), транспортная (подъезды к музею, стоянки для транспорта и проч.), сервисная (гостиницы, кафе, сувенирные лавки и т. п.). Инфраструктура же исторической науки должна обеспечивать полноценное удовлетворение потребностей исследователя, главная задача которого – производство нового знания, а главный результат его деятельности – переход потенциальной информации, до времени сокрытой в историческом источнике, в актуальную. По этой причине музей интересуется его в первую очередь как хранилище исторических источников (в форме музейных предметов), и в музее для него наиболее привлекательны фонды.

Постановка вопроса об информационной инфраструктуре напрямую связана с подходом к объекту исследования (в нашем случае – к исторической науке и музею) как к информационным системам, т. е. системам, предназначенным для сбора, обработки, хранения и репрезентации информации, применяющим адекватные этим задачам организационные формы и информационные технологии и, в итоге, работающим на сохранение исторической памяти и преодоление информационной энтропии. В этом своем качестве и историческая наука, и музей имеют собственные информационные инфраструктуры, т. е. комплексы материально-технических средств и средств информационного взаимодействия (информационных центров, баз и банков данных, систем коммуникации и т. д.), необходимых для выполнения ими своих функций, в том числе для обеспечения контакта «поставщиков» и «потребителей» информации и доступа «потребителей» к информационным ресурсам.

В настоящее время в повестке дня стоит уже вопрос о распределенной инфраструктуре информационных технологий и ресурсов: «Задача e-Science... – создание организационных и технологических структур, разработка соответствующего программного обеспечения для функционирования новой информационной среды с распределенными ресурсами (информационными и вычислительными), обеспечивающими доступ к ним индивидуальных пользователей, исследовательских групп, лабораторий и институтов (эти сообщества называют виртуальными организациями, *collaboratories*). Основное русло реализации задач e-Science прокладывают грид-технологии. Эта концепция (нередко ее называют *Grid Computing* – распределенные сети, или „решетки“ вычислительных ресурсов) соответствует одному из ведущих и перспективных направлений развития ИКТ. Одна из наиболее сильных сторон *Grid*-техно-

логий – новые возможности эффективного распространения информации и обучение с доступом к обширным ресурсам... специфика термина „e-Social Sciences“ заключается не только в предметной области используемых распределенных информационных ресурсов, но и в акценте на взаимодействие ученых-обществоведов со специалистами по ИКТ... Что касается гуманитарных наук, то перспективы использования грид-технологий связываются здесь во многом с расширяющимися возможностями онлайн-доступа к огромным массивам оцифрованных книг, журналов, изобразительных материалов и т. д. Эффективность использования этих ресурсов резко возрастает, когда исследователь может связывать не только различные тексты, но и тексты с изобразительными источниками, историческими картами, записями интервью, видеоматериалами и т. д., размещенными на различных сайтах» [Бородкин, 2009. С. 25–26].

При том, что историческая наука и музей являются самостоятельными информационными системами, их можно рассмотреть и как базовые элементы информационной инфраструктуры друг друга. В истории «инфраструктурных» взаимодействий исторической науки и музея много позитивного опыта, успешно реализованных проектов, значимых конференций. Тем не менее с сожалением приходится констатировать, что для большинства музеев исследователь – персонаж не слишком желанный. Здесь есть и объективная, и субъективная составляющие. Вольно или невольно он несет угрозу сохранности музейного предмета (или воспринимается так музейными сотрудниками); создание комфортных для него условий требует существенных материальных и организационных затрат (выделение места для работы, его техническое оснащение, трансформация музейных описей и каталогов под исследовательские нужды, стандартизация процедур доступа в фонды и многое другое), а отдача от него в контексте социокультурных задач музея не так очевидна. Однако в информационном обществе огромные массивы информации, таящиеся под спудом, – непозволительная роскошь, поэтому ускорение движения музея и исторической науки навстречу друг другу неизбежно. Сделать его осмысленным, системным, работающим на общественное благо – в интересах всего общества.

Рассматривать музей как базовый элемент инфраструктуры исторической науки необходимо в контексте проблемы информационного обеспечения исторической науки. «Под информационным обеспечением исторической науки мы понимаем деятельность по поиску, сбору, обработке, накоплению и хранению, распространению и использованию репрезентативной и достоверной информации, необходимой для решения исследовательских задач в области изучения истории, а также саму такую информацию, определенным образом структурированную (организованную) и представленную в удобном для исследователя виде» [Воронцова, Гарскова, 2013. С. 488, сноска 6]. Результат этой деятельности – пополнение существующих и формирование новых информационных ресурсов, а необходимое условие – технологии, оптимальные для решения поставленных научным сообществом задач. В этой связи отмечу, что наш подход отличается от подхода большинства исследователей: мы исходим из того, что технологии – форма, а на первом плане в деятельности по приращению научного знания все же стоит содержание (мысль, гипотеза, концепция исследователя, его анализ информации), и что информационное обеспечение – фактор, определяющий развитие науки, управление ею и «ее самоорганизацию и саморегуляцию на основе саморефлексии».

Реалии информационного общества (глобальный характер информационных сетей и информационного поля, принципиально иные возможности коммуникации) ставят в повестку дня выработку информационных стратегий, отвечающих на вызовы времени, адекватных современной ситуации, обладающих прогностическим потенциалом, нацеленных на эффективное удовлетворение потребностей науки в целом и исторической науки в частности. «Формирование новой информационной среды (масштабных информационных ресурсов и информационной инфраструктуры) привело к появлению принципиально новых возможностей работы с информацией в архивном, музейном и библиотечном деле и к существенным трансформациям функций архивов, музеев и библиотек. Функция хранения информации оста-

ется одной из основных функций этих институций, однако в информационном обществе чрезвычайно возрастает роль коммуникации и репрезентации информации» [Воронцова, Гарскова, 2013. С. 492]. Из этого вытекает и значение музея для исторической науки: он – приемник, накопитель информации и канал репрезентации исторического знания, его передачи широкому кругу потребителей-неспециалистов.

Как базовый элемент информационной инфраструктуры исторической науки музей выполняет следующие основные функции: информационного ресурса, места репрезентации исторического знания, места коммуникации носителя знания (историка, автора музейной экспозиции) с познающим субъектом (учащимся, неспециалистом в области истории). Информационным ресурсом является музейное собрание, состоящее из музейных предметов, объединенных в коллекции, и с точки зрения историка представляющее собой упорядоченную целенаправленно, на основе определенных принципов, совокупность исторических источников, их выборку. Однако эти источники сверх всего обладают еще и качеством музейного предмета [Голоса истории..., 1990; Иванова, 2006; Кнабе, 1991; Разгон, 1984; Черкаева, 2009], поэтому здесь возникает уже упомянутое нами противоречие между сохраненной миссией музея и потребностью исследователя в использовании источника (предмета) для извлечения из него информации, что чревато нанесением ему ущерба и даже его разрушением. Другая сторона этой коллизии (позитивная) заключается в том, что в музейных собраниях помимо прочего происходит специфическое взаимодействие источников в их качестве музейных предметов, дающее исследователю материал для умозаключений, которые без этого вообще не были бы возможны: музейные предметы группируются в коллекции, выставляются в экспозициях и на выставках.

Полноценное функционирование музея в качестве информационной системы и его собрания – как информационного ресурса требует эффективных стратегий пополнения музейных собраний, формального описания, а также типологического и сравнительно-исторического изучения исторических источников/музейных предметов, что происходит в процессе комплектования и научно-фондовой работы [Герасимов, 2013; Музей и современность..., 1982; Финягина, 1975; и др.], осуществляемых с применением методов, которые для исторических источников разрабатывает источниковедение, а для музейных предметов – музейное источниковедение [Проблемы теории..., 2004; Самарина, 2006; и др.]. Реалии информационной эпохи настоятельно подталкивают музейное сообщество к поиску решений, инновационных не только в технологическом, но и в содержательном отношении. Для повышения информационной отдачи необходимы оптимизация структуры музейных собраний, совершенствование принципов их комплектования, систематизации и каталогизации – с учетом таких факторов, как нарастание скорости поступления и объема информации, разнообразие интер- и полидисциплинарных связей и взаимодействий, качественное изменение субъекта информационного процесса – «потребителя» информации. Очевидно, что здесь, как и во многих других отношениях, музею и исторической науке не обойтись друг без друга, о чем свидетельствуют успешно реализуемые совместные проекты.

Основная форма репрезентации исторического знания в музее – это постоянные экспозиции и сменные выставки. Комплексу вопросов, связанных с музейной экспозицией (разработка принципов экспонирования, проектирование и функционирование экспозиций, их содержательное наполнение, художественные аспекты и т. д.), в музееведении уделялось и уделяется достаточное внимание [Закс, 1970; Искусство музейной экспозиции..., 1977, 1982, 1985; Каулен, 2005; Михайловская, 1964; Музейная экспозиция..., 1996, 1997; Поляков, 1996; Пчелянская, 2005; и др.]; сказанное в полной мере относится и к историческим экспозициям [Крылова, 2005; Левыкин, Разгон, 1984; Проблемы совершенствования экспозиций..., 1975; Сыченкова, 2010; и др.]. В этой последней группе особого упоминания заслуживают издания, в которых получили отражение дискуссии историков и музееведов по проблемам, возник-

шим в постперестроечный период в связи с утратой монополии одной концепцией истории (формационной), появлением альтернативных концепций и, соответственно, – возможности выбора и экспериментальной проверки различных подходов (в том числе и на базе музейных экспозиций) [по хронологии: История XX века в музейных экспозициях..., 1995; Современная историография и проблемы содержания..., 2002; Исторические экспозиции региональных музеев..., 2009; Роль музеев в формировании исторического сознания..., 2011].

Значительным эвристическим потенциалом обладает идея М. Ф. Румянцевой о разграничении репрезентации и позиционирования исторического знания («... репрезентация – это в данном случае представление исследователем-историком – и, шире, субъектом исторического познания – своего видения истории, в более строгом смысле – видения исторического процесса как результата научного исследования; позиционирование – внедрение в сознание адресата определенных исторических конструкций/„мест памяти“») [Румянцова, 2012. С. 17]. Она предлагает взглянуть на экспозицию как на особую форму создания исторического текста – историописание, что выводит нас на задачу гораздо более существенного, системного использования при создании экспозиций достижений истории исторической мысли (историографии).

С идеями М. Ф. Румянцевой сопрягается интенсивно разрабатываемая в музееведении и культурологии в рамках семиотического подхода идея экспозиции как текста культуры, целенаправленно структурированного, определенным образом организованного, обладающего глубиной и системой смыслов, не сводимого к составляющим его музейным предметам, имеющего автора(ов) и адресата(ов) (каждого со своими ожиданиями и интеллектуальными предпочтениями), предполагающего умение «читать» его, интерпретируя историко-культурные коды. В итоге экспозиция предстает завершенным «синтетическим научно-художественным произведением» [Словарь актуальных музейных терминов..., 2009] и представляет собой особый тип публикации (данный аспект авторского права практически не разработан).

В таком контексте логична характеристика музейной экспозиции как «разговора предметами», в котором сначала ее создатели, а затем и музейная аудитория осмысливают вещь как посредника (знака) в коммуникативных процессах [Дукельский, 1987; Никишин, 1988], причем одновременно в рамках прошлой и современной культур. Экспозиция организована так, что в процессе трансляции знаний к силе слова (вербальная составляющая) добавляются сила изображения (визуальная составляющая), сила звука (аудиосоставляющая), сила соприкосновения с трехмерным предметным рядом (тактильная и пространственная составляющие). Здесь музейное время и пространство накладываются на время и пространство историческое, создавая совершенно особое пространственно-временное единство, базирующееся на подлинных свидетельствах ушедшей в небытие реальности (экспонатах / исторических источниках / музейных предметах / памятниках истории и культуры) и позволяющее потомкам соприкоснуться со своими предками, с их ментальностью и идентифицировать самих себя. В итоге, по верному замечанию Л. С. Именновой, достигается аутентичность как научная, образная, символическая точность. В рамках рассмотрения музея как базового элемента информационной системы важен взгляд на экспозицию как на «информационную систему, отражающую явления исторического процесса через музейные предметы-экспонаты как знаковые компоненты и строящуюся через их осмысление автором экспозиции в расчете на определенное понимание ее воспринимающим субъектом» [Арзамасцев, 1989. С. 48], т. е. представляющую собой особый способ актуализации информации.

Выполнение музеем описанных выше функций (информационного ресурса, места репрезентации исторического знания) невозможно без взаимосвязи и взаимодействия участников информационного процесса, т. е. их коммуникации. Взгляд на экспозицию как на центральное звено музейной коммуникации [см.: Гнедовский, 2006; Именнова, 2010; Музейная коммуникация..., 2010] делает главными взаимодействующими фигурами носителя знания (историка, автора музейной экспозиции) и его «потребителя» – познающего субъекта (учащегося,

неспециалиста в области истории). Они в равной мере необходимы друг другу: настоятельная потребность подталкивает носителя знания поделиться им, высказаться и быть услышанным, а адресат (сторона, принимающая информацию) в идеале жаждет получить знание, нужное ему для самореализации. Диалог дает им шанс к развитию, самосовершенствованию, интеллектуальному взаимообогащению. Здесь могут быть выделены два уровня: коммуникация музейных сотрудников с историками в процессе создания экспозиции и опосредованная экспозицией коммуникация музейных посетителей с теми и другими как авторами этого специфического текста.

Однако, когда речь идет об отношениях музея и исторической науки, не менее значимой становится и другая пара контактеров – хранитель информации и ее потребитель-профессионал. Коммуникация имеет в данном случае иную цель, иные формы и иной результат, а именно – приращение научного исторического знания в результате актуализации информации, ее извлечения историком из исторических источников/музейных предметов. Ключевой момент для достижения этой основной для исторической науки цели – обеспечение доступа исследователей к носителям информации. И тут мы сталкиваемся с оппозицией науки и музея и противодействием со стороны хранителей (музейных работников) устремляющимся в фонды исследователям. Напомним, что данная оппозиция имеет объективную составляющую, ведь одна из главных функций музея – обеспечение сохранности подлинных, аутентичных, свидетельств.

Но при ее абсолютизации из поля зрения выпадает факт, многократно подтвержденный на практике: актуальная информация сохраняется лучше потенциальной, остающейся пока невостребованной; риски ее утраты, нарастания в этом месте информационного поля информационной энтропии существенно выше. По этой причине более перспективным во всех отношениях нам представляется другой путь: так организовать процесс коммуникации, использование историками носителей информации (аккумулируемых и хранимых музеем источников), чтобы свести к минимуму риски их повреждения и утраты. Специфика коммуникации в случае исторической науки и музея определяется тем, что первая выступает в роли поставщика информации, добываемой из исторических источников, и, одновременно, «потребителя» информации, хранимой музеем, а второй – в роли распорядителя необходимого исторической науке информационного ресурса и институции, не только аккумулирующей информацию, но и актуализирующей культурное наследие (в форме музейного предмета, коллекции, музейного собрания). Основное условие на сегодня (помимо достаточного количества оборудованных под нужды исследователей рабочих мест) – правильно выстроенная деятельность по оцифровке коллекций, результатом которой является система баз и банков данных, тематических интернет-ресурсов, отвечающих требованиям репрезентативности и научности. Интересные результаты может дать создание в стенах музея библиотек, являющихся, с одной стороны, коллекцией раритетных изданий, а с другой – специализированным книжным собранием (соответственно, для исследователя это источник одновременно и исторический, и историографический).

К сожалению, пока приходится констатировать: такие примеры скорее исключение, чем правило. А ведь от эффективности коммуникации, от полноценной кооперации усилий производителей, хранителей и потребителей научной информации напрямую зависит и вектор развития исторической науки (по восходящей или по нисходящей линии), и востребованность музея обществом, что на современном этапе является вопросом его выживания.

В разговоре о музее как о базовом элементе информационной инфраструктуры исторической науки невозможно обойти стороной технологические аспекты, потому что они затрагивают все функции музея в данном его качестве – функции информационного ресурса, места репрезентации исторического знания, места коммуникации носителя и потребителя (приемника) знания. И в исторической науке, и в музееведении, и в музейной деятельности этим аспектам уделяется настолько большое внимание, что сформировались специальные научные

дисциплины – историческая информатика [библиографию см.: Воронцова, Гарскова, 2013. С. 504–505] и музейная информатика [Ноль, 2007. С. 36–39]. При том, что толчок развитию той и другой дали процессы компьютеризации соответствующих институций (исторической науки, музея), что технологическая (техническая, программная) сторона в них имеет много общего, что обе дисциплины решают задачи извлечения информации часто из одних и тех же носителей (исторических источников/музейных предметов), с применением одних и тех же технологий, векторы их развития во многом не совпадают, а получаемые на выходе информационные продукты служат удовлетворению разных потребностей разных же категорий потребителей информации. Адресатом в первом случае является исследователь-историк, во втором – с одной стороны, музейный посетитель (и, шире, музейная аудитория), с другой – музейный сотрудник; первая «обслуживает» познавательную (научную) деятельность, для второй важнее прикладные аспекты, о чем свидетельствуют проблематика в целом и интенсивность исследования конкретных проблем: музеи как информационные центры [Музей будущего..., 2001]; компьютеризация музеев [Компьютер в музее, музей в компьютере..., 1991; Ноль, 1999; и др.]; информационные технологии в музейной деятельности в целом [Борисова, 2006; Заславец, 2007; и др.]; музейные сайты, представительство музеев в сетях [Валетов, 2003; Лебедев, 2002; и др.]; электронные (виртуальные) музеи и проекты [Лещенко, 2011; Селиванов, 1997; и др.]; источниковедческие аспекты применения современных информационных технологий, цифровые источники, проблема доступа к источникам [Борисова, Каулен, Черкаева, Чувилова и др., 2009; Ноль, 1991; и др.]; применение современных информационных технологий в экспозиционной деятельности [Черненко, 2011]. Исследователи отмечают противоречивость взаимодействия технологий сетевой коммуникации с традиционными формами музейной коммуникации, их неоднозначное влияние друг на друга и даже угрозу утраты музеем своей идентичности.

Вместе с тем нельзя не отметить и того факта, что точки соприкосновения здесь есть. Выше уже говорилось о том, в чем историческая наука и музей (и как социальные институты, и как информационные системы) необходимы друг другу в плане содержательного наполнения. Не меньше пользы может принести соединение усилий и в области информационных и коммуникационных технологий (особенно – их разработка для музеев с учетом потребностей исторической науки), реализация совместных проектов по созданию баз и банков данных, тематических сетевых и иных информационных ресурсов, более активное привлечение историков к информатизации тех сторон деятельности музеев, которые нацелены на обеспечение доступа к хранимым в них носителям информации, учет интересов исследователей при разработке стратегий оцифровки музейных сокровищ. Очевидным результатом такой кооперации станет повышение информационной отдачи и конкретных источников, и их совокупностей, переход значительных массивов потенциальной информации в информацию актуальную, лучшее информационное обеспечение исторической науки. Передовым отрядом в решении этой задачи могут и должны стать специалисты в области исторической и музейной информатики.

Рассмотрение спектра вопросов, дающих представление о роли музея как базового фактора информационной инфраструктуры исторической науки, подводит к выводу, что этот аспект взаимодействия музея и исторической науки заслуживает внимательного, взвешенного, программного подхода. Его изучение нужно вести и в теоретико-методологическом, и в конкретно-историческом, и в прикладном (научно-методическом) отношениях, координируя деятельность исследователей, принадлежащих к широкому кругу научных дисциплин. Немаловажное значение здесь имеет преодоление издержек узковедомственного подхода (к музеям – только как к учреждениям культуры, к научным институтам – только как к учреждениям науки; добавим еще: к школам и вузам – только как к учреждениям образования). В итоге на выходе и профессиональные сообщества историков и музейных сотрудников, и общество

в целом, и конкретные индивиды могут получить разнообразные информационные ресурсы, жизненно необходимые им для развития по восходящей.

Библиография

- Актуальные проблемы фондовой работы музеев. М., 1979, 1980, 1981.
- Артемов Е. Г.* Социальные функции современного музея исторического профиля // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX–XXI вв. М., 2001. С. 99–105. (Труды ГИМ; вып. 127).
- Балакирев А. С.* Музеи исторического профиля. Культурная миссия / ГЦМСР. М., 2008. 174 с.
- Божченко О. А.* Историческая память как форма музейной рефлексии // Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та культуры и искусства. 2012. № 3 (12). С. 112–116.
- Борисова Н. А.* Инфокоммуникационные технологии в музейной деятельности // Почтовые музеи: взгляд из прошлого в будущее. [2006]. С. 23–36.
- Борисова М. В., Каулен М. Е., Черкаева О. Е., Чувилова И. В. и др.* Культурное наследие в контексте инновационных гуманитарных технологий // Музееведение и историко-культурное наследие. Кемерово, 2009. Вып. III. С. 5–90.
- Бородкин Л. И.* Сетевые структуры гуманитарной информатики: технологии ehumanities // Гуманитарная информатика. 2009. Вып. 5. С. 25–26.
- Бородкин Л. И., Воронцова Е. А., Мироненко С. В.* Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 6. С. 572–577. DOI: 10.7256/2222-1972.2013.6.11513
- Булдаков В. П.* Историк и иллюзии исторической памяти // Россия и современный мир. 2013(а). № 2. С. 34–47.
- Булдаков В. П.* Историк и миф. Перверсии современного исторического воображения // Вопросы философии. 2013(б). № 8. С. 54–65
- Валетов Т. Я.* Музеи в Интернете: обзор глобальной сети // Круг идей: электронные ресурсы исторической информатики. Труды VIII конференции Ассоциации «История и компьютер». М.; Барнаул, 2003. С. 328–358.
- Воронцова Е. А.* Информационное обеспечение исторической науки: к постановке проблемы // 150 лет на службе науки и просвещения: сборник материалов междунар. науч. конференции, посвященной 150-летию открытия для публики Чертковской библиотеки, 75-летию бренда «Государственная публичная историческая библиотека» и 130-летию открытия Государственного исторического музея, состоявшейся 5–6 декабря 2013 г. М.: ГПИБ России, 2014(а).
- Воронцова Е. А.* Музей как элемент системы информационного обеспечения исторической науки: теоретико-методологические аспекты проблемы // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: История. 2014(б). № 3. С. 82–85.
- Воронцова Е. А.* Очерки по теории и истории культуры. М.: Летний сад, 2014(в). 171 с.
- Воронцова Е. А.* Музеи в системе науки // Культурные миры: материалы науч. конференции «Типология и типы культур: разнообразие подходов (20–22 марта 2000 г., Москва)». М.: Рос. ин-т культурологии, 2001.
- Воронцова Е. А.* Классификация музеев // Музейное дело России / Под ред. М. Е. Каулен, И. М. Коссовой, А. А. Сундиевой. М.: ВК, 2003. С. 235–251.
- Воронцова Е. А., Гарскова И. М.* Информационное обеспечение российской исторической науки в информационном обществе: современное состояние и перспективы // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 5. С. 487–505. DOI: 10.7256/2222-1972.2013.5.9811.

Воронцова Е. А., Сундиева А. А., Каулен М. Е., Кузина Г. А., Дьячков А. Н., Чистотина С. Л. Музеи – особо ценные объекты культурного наследия. Аналитические материалы. Методы ранжирования. Деп. в ИНИОН РАН (№ 52996 от 20.10.1997).

Газалова К. М. Музей как социальный институт в России XX столетия // Проблемы теории, истории и методики музейной работы / ГЦМСИР. М., 1995. С. 10–12.

Герасимов Ю. В. Информационно-методическое обеспечение научно-фондовой работы в музее: коллекции археологии // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: История. 2013. № 2 (22). С. 158–161.

Гнедовский М. Б. Музейная коммуникация и музейный сценарий. М.: Литера, 2006. 380 с.

Голоса истории: музейные материалы как источник познания прошлого / Центр. музей Революции. М., 1990. Кн. 1. 240 с.

Грусман В. М. Музей как институт формирования исторической памяти // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2007. Т. 8, № 35. С. 92–98.

Дукельский В. В поисках музейной концепции истории // Музейная экспозиция: Теория и практика, искусство экспозиции, новые сценарии и концепции / Под ред. М. Т. Майстровской; Рос. ин-т культурологии / М., 1997. С. 33–41 (На пути к музею XXI века.)

Дукельский В. Ю. Музейные коллекции и предметный мир культуры // Некоторые проблемы исследований современной культуры. М., 1987. С. 26–34.

Закс А. Б. Из истории экспозиционной мысли советских музеев (1917–1936) // Труды НИИ музееведения. Вып. 22. М., 1970. С. 128–165.

Заславец Н. Н. Информационные технологии в музейной практике // Диалог со временем. Вып. 20. М., 2007. С. 299–303.

Изучение музейных коллекций / Сост. и науч. ред. У. М. Полякова; НИИ культуры. М., 1974.

Именнова Л. С. Музей в глобальном мире // Вестник Московского гос. ун-та культуры. 2011. № 1. С. 138–143.

Именнова Л. С. Музейная коммуникация как пространство символического // Культура глобального информационного общества: противоречия развития: сборник науч. статей. М.: Изд-во Московского гуманит. ун-та, 2010. С. 522–534.

Искусство музейной экспозиции / НИИ культуры. М., 1977, 1982, 1985

Исторические экспозиции региональных музеев в постсоциалистический период / Отв. ред. И. В. Чувилова. СПб.: Алетейя, 2009. 304 с.

История XX века в музейных экспозициях / Центр. музей Революции. М., 1995. 205 с.

Каспаринская С. А. Мемориальные музеи исторического профиля // Историко-революционные и литературные мемориальные музеи / НИИ культуры. М., 1973. С. 3–87.

Каулен М. Музей и наследие // Музей. 2009. № 5. С. 10–19.

Каулен М. Е. Экспозиция и экспозиционер // Хранители наследия. Альманах ассоциации муниципальных музеев. Вып. 2. Барнаул, 2005. С. 140–168.

Компьютер в музее, музей в компьютере. Труды Всесоюзного семинара по проблемам компьютеризации музеев за 1990 г. М.: ГТГ, 1991. 128 с.

Корзун В. П. Научные сообщества в исторической науке как исследовательская проблема // Исторический ежегодник за 2002–2003. Омск, 2003. С. 36–46.

Лаптева М. А. Соотношение истории как науки и музейного дела в культуре XX века (к постановке проблемы) // Вестник Красноярского гос. технического ун-та. Вып. 41. Красноярск, 2006. С. 66–70.

Лебедев А. В. Пространство музея в Интернете // Справочник руководителя учреждения культуры. Вып. 4. 2002. С. 85–92.

Левыкин К. Г., Разгон А. М. Экспозиция музея и историческая наука // История СССР. 1984. № 3. С. 66–76.

Леценко А. Эволюция и революция в мире виртуальных музеев // Музей. 2011. № 7. С. 12–15.

Лукина Н. П. Образ науки информационного общества: опыт философской рефлексии // Гуманитарная информатика. Вып. 4. Томск, 2007. Электронный ресурс: URL: huminf.tsu.ru/journal.

Мастеница Е. Н. Музейная интерпретация истории: подходы и методы // Музей. 2010. № 10. С. 8–12.

Михайловская А. И. Музейная экспозиция: организация и техника. М.: Советская Россия, 1964. 517 с.

Музееведение в России первой трети XX века / Сост.е. Н. Вакулина; Центр. музей Революции. М., 1997. 283 с.

Музееведение и историко-культурное наследие: сборник статей. Вып. I–IV. Кемерово: КемГУКИ, 2006–2012.

Музееведение. Музеи исторического профиля / Под ред. К. Г. Левыкина, В. Хербста. М.: Высш. шк., 1988. 431 с.

Музееведение. Музеи мира / Отв. ред. Е. Е. Кузьмина; НИИ культуры. М., 1991. 378 с.

Музееведение. Вопросы теории и методики / Под ред. В. Ю. Дукельского; НИИ культуры. М., 1987. 167 с.

Музееведение. На пути к музею XXI века / НИИ культуры. М., 1989. 224 с.

Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сборник документов и материалов / Под ред. Э. А. Шулеповой. М.: Этерна, 2010.

Музей будущего: информационный менеджмент / Сост. А. В. Лебедев. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 315 с.

Музей и современность. Комплектование музейных коллекций / НИИ культуры. М., 1982. 140 с.

Музеи Российской академии наук: альманах. М.: Научный мир, 1998–2012.

Музейная коммуникация: модели, технологии, практики / Отв. ред. В. Ю. Дукельский / Рос. ин-т культурологии. М., 2010. 199 с.

Музейная экспозиция / Рос. ин-т культурологии. М., 1996, 1997 (На пути к музею XXI века).

Музейное дело России / Под ред. М. Е. Каулен, И. М. Коссовой, А. А. Сундиевой. М.: ВК, 2003, 2006, 2010.

Мяжков Г. П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2000. 298 с.

Научные основы работы музеев исторического профиля / Центр. музей Революции. М., 1980. 184 с.

Нестеренко А. Н. Историческая память и современность // Вестник РАН. 2012. Т. 82. № 3. С. 284–288.

Никифоров А. Л. Историческая память и общество // Личность. Культура. Общество. 2013. Т. 15, № 2. С. 90–102.

Никишин Н. А. Язык музея как универсальная моделирующая система музейной деятельности // Проблемы культурной коммуникации в музейной деятельности / Ред. В. Ю. Дукельский; НИИ культуры М., 1988. С. 7–15.

Ноль Л. Я. 30 лет информатики в российских музеях // Музей. 2007. № 1. С. 36–39.

Ноль Л. Я. Автоматизированные базы данных по памятникам истории и культуры: проблемы и решения // Музееведение. Музеи мира / Отв. ред. Е. Е. Кузьмина; НИИ культуры. М., 1991. С. 232–248.

Ноль Л. Я. Компьютерные технологии в музее. М.: Рос. ин-т переподготовки работников культуры, искусства и туризма, 1999. 114 с.

- Основы советского музееведения. М.: Гос. изд-во культурно-просветительной литературы, 1955. 373 с.
- Очерки истории музейного дела в СССР. Вып. 2–7. М., 1960–1971.
- Поляков Т. П. Как делать музей? (О методах проектирования музейной экспозиции) / Рос. ин-т культурологии. М., 1996. 253 с.
- Пономарев Б. Б. Несовершенный музей в несовершенном мире. М.: ИПК Робин, 2002. 168 с.
- Проблемы совершенствования экспозиций по истории советского общества / НИИ культуры. М., 1975. 234 с.
- Проблемы теории, истории и методики музейной работы (источниковая база музеев) / ГЦМСИР. М., 2004. 216 с.
- Равикович Д. А. Социальные функции и типология музеев // Музееведение. Вопросы теории и методики / Под ред. В. Ю. Дукельского; НИИ культуры. М., 1987. С. 10–24.
- Разгон А. М. Исторические музеи в России (с начала 18-го века до 1861 г.). М.: Гнозис, 1993. 231 с.
- Разгон А. М. Музейный предмет как исторический источник // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М.: Наука, 1984. С. 174–183.
- Репина Л. П. Историческая память и история историков // Исторические записки. 2010. № 13 (131). С. 154–164.
- Репина Л. П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 33–45.
- Роль музеев в формировании исторического сознания: Междунар. науч. – практическая конференция. Рязань, 25–28 апр. 2011 г.: материалы и доклады / Отв. ред. И. В. Чувилова. М.: ООО «НБ-Медиа», 2011. 188 с.
- Российская музейная энциклопедия / А. А. Сундиева, Е. А. Воронцова, Т. Н. Кадаурова и др.: В 2 т. М.: Прогресс, «РИПОЛ классик», 2001.
- Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та. Серия 2. Вып. 2. 2014. С. 106–126.
- Румянцева М. Ф. Музейная экспозиция как форма репрезентации / позиционирования актуального исторического знания: от постмодерна к постпостмодерну // Роль музеев в формировании исторического сознания / Отв. ред. И. В. Чувилова. М., 2012.
- Самарина Н. Г. Проблемы музейного источниковедения в историографии второй половины XX – начала XXI века // Собор лиц: сборник статей / Под ред. М. Б. Пиотровского и А. А. Никоновой. СПб., 2006. С. 349–360.
- Сапанжа О. С. Методология теоретического музееведения. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. 115 с.
- Сапанжа О. С. Теория музея и музейности: исторический обзор и историческая типология. СПб.: Экспресс, 2011. 98 с.
- Селиванов Н. Л. Субъективный взгляд на музей из виртуальной реальности // Музеи Москвы и музеология XX века: Тезисы науч. конференции 25–26 ноября 1997 г. М.: РГГУ, 1997. С. 35–38.
- Словарь актуальных музейных терминов // Музей. 2009. № 5.
- Собор лиц: сборник статей / Под ред. М. Б. Пиотровского и А. А. Никоновой. СПб., 2006.
- Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев. По материалам «круглого стола», состоявшегося 18 мая 2001 г. в Орле / [сост.е. А. Воронцова, Л. И. Скрипкина]. М.: ГИМ, 2002. 295 с.
- Современная отечественная история в музеях: материалы конференций музейных работников, состоявшихся в гг. Москве и Иванове в 1999 г. М., 2000.

- Сокровища академических собраний Санкт-Петербурга: альбом / Сост. Ю. А. Петросян, Е. А. Иванова. СПб.: Наука, 2003. 520 с.
- Станиокович Т. В.* Этнографическая наука и музеи. Л.: Наука, 1978. 288 с.
- Сундиева А. А.* Исторические музеи в современной России // Ориентиры культурной политики. Вып. 8. М., 2003. С. 55–62.
- Сундиева А. А.* Музей как культурная форма // Культурные миры: Материалы научной конференции. М.: РИК, 2001. С. 210–215.
- Сыменкова Л. А.* О способах представления истории в музейных экспозициях // Вопросы музеологии. 2010. № 2. С. 124–135.
- Терминологические проблемы музееведения / Центр. музей Революции. М., 1986. 230 с.
- Тишков В. А.* О сотрудничестве с музеями исторического профиля // Вестник АН СССР, 1979, № 8, С. 100–104.
- Томилов Н. А.* Музееведение. Его периодизация и основные понятия // Известия Омского гос. историко-краеведческого музея. Омск, 1998. Т. 6. С. 52–64.
- Триумф музея?: сборник статей / Отв. ред. А. А. Никонов. СПб.: Осипов, 2005. 458 с.
- Федоров Н. Ф.* Из философского наследия: Музей и культура. М., 1995. 318 с.
- Финягина Н. П.* Состав и структура музейных фондов, содержание фондовой работы // Музейное дело в СССР / Центр. музей Революции. М.: Советская Россия, 1975. С. 19–38.
- Финягина Н. П.* Фондовые коллекции в музее // Вопросы музейной работы / НИИ культуры. М., 1974. С. 104–118.
- Черкаева О.* От предмета к музейному собранию // Музей. 2009. № 5. С. 26–30.
- Черненко В. В.* Информационные технологии в экспозиционной и выставочной деятельности // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения. Новосибирск, 2011. С. 330–335.
- Чувилова И.* Классификация музеев и проблемы наследия // Музей. 2009. № 5. С. 20–25.
- Шляхтина Л. М.* Современная музеология: горизонты теоретизирования // Вопросы музеологии. 2013. № 1 (7).
- Шмит Ф. И.* Исторические, этнографические, художественные музеи. Очерк истории и теории музейного дела. Харьков: Союз, 1919. 104 с.
- Шнирельман В. А.* Музей и конструирование социальной памяти: культурологический подход // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 8–26.
- Юренева Т. Ю.* Музееведение: учебник для высшей школы. М.: Академический проект, 2003. 560 с.

О. С. Сапанжа

Историческая типология музеев и проблемы информационного обеспечения исторической науки

O. S. Sapanzha

Historical Typology of Museums and Problems of Information Support of Historical Science

УДК 930.85

Аннотация: в статье рассматривается круг проблем, связанных с современной ситуацией усиления просветительских и рекреационных функций музея и его роли как института, хранящего и представляющего исторические артефакты и документы. На основе концепции исторической типологии музея и его протоформ представлена панорама исторической эволюции музея и его роли в информационном обеспечении науки.

Abstract: In this article is analyzed a wide range of issues regarding current situation of increasing educational and recreational functions of museums and their institutional role of keeping and presenting historical artifacts and documents. Based on the concept of a historical typology of the museum and its «protoforms» are presented a historical panorama of the evolution of the museum and its role in information support of science.

Ключевые слова: музеология, музей, музейность, культурная форма, артефакт, документ, история музейного дела, историческая типология, историческая наука.

Keywords: museology, museum, museum quality, cultural form, artifact, document, history museum, historical typology, historical science.

На рубеже XX–XXI вв. произошло определенное смещение фокуса в понимании цели и смысла деятельности музея. На первый план окончательно вышла проблема диалога и сотрудничества с посетителем-непрофессионалом, общим стало утверждение приоритета образовательной, просветительской и рекреационной функций музея. Можно говорить о том, что в споре человека и человечества победил человек, которому и служит музей как социокультурный институт.

Этот процесс вполне закономерен и отражает общую динамику культуры и изменившийся угол зрения на проблему сохранения и трансляции культурных кодов. Если еще 20 лет назад музей искал пути диалога со зрителем, но не предполагал возможности активного участия непрофессионала в выборе тем и сюжетов выставок, их интерпретации и даже в процессе разработки, то сегодня такой подход стал вполне привычным, особенно в тех сегментах музейного пространства, которые стараются наметить новаторские пути развития музея как пространства не только диалога, но и сотрудничества [Культура участия, 2015].

Эти (несомненно, положительные) тенденции имеют, тем не менее, и обратную сторону: все чаще профессиональные исследователи подозрительно относятся к музейному пространству как пространству эксперимента, творчества, диалога, но не как к площадке научной дискуссии и решения музейными средствами задач источниковедческого (информационного) обеспечения науки. Не секрет, что доступ в музейные фонды часто затруднен даже для специалистов, работающих над теми или иными проблемами, но не являющихся научными сотрудниками музеев. Для этой группы исследователей (не столь малочисленной) именно экспозиция и особенно выставки становятся возможностью познакомиться с важными материалами, артефактами и документами. Пространство эксперимента и диалога заставляет относиться к

выставке с подозрением. Между тем наряду с форумом музеев выполняет и функции обеспечения исторической науки.

Определяя существенные компоненты информационного обеспечения исторической науки, Е. А. Воронцова дает следующее рабочее определение: «... информационное обеспечение исторической науки – это деятельность по поиску, сбору, обработке, накоплению и хранению, распространению и использованию репрезентативной и достоверной информации, необходимой для решения исследовательских задач в области изучения истории, а также сама такая информация, определенным образом структурированная (организованная) и представленная в удобном для исследователя виде». Музеям, по мысли автора, принадлежит особое место в этом обеспечении: «... в информационном обществе чрезвычайно возросла роль коммуникации (общения) и, как следствие, репрезентации информации. В стремлении остаться востребованными, хранители (архивы, музеи, библиотеки) начали конкурировать на этом поприще с репрезентирующими институтами (издателями, сетями и пр.). При этом музеи и архивы хранят подлинники, ценность которых как исторических источников пока серьезному сомнению не подвергается (даже при наличии оцифрованных копий)» [Воронцова, 2014. С. 365].

Таким образом, можно отметить следующее противоречие: с одной стороны, в условиях возрастающей роли репрезентации информации возрастают роль и значение музеев как хранителей подлинных артефактов и документов прошлого, а с другой – концепция «музея для посетителя», ставшая основным вектором развития музейного мира последних десятилетий, требует усиления рекреационных технологий при моделировании музейного пространства как креативного пространства и музейного мира как творческого кластера в целом.

В этой связи интересно проследить, как менялось представление о формах хранения и представления артефактов в музейных и протомузейных формах. Отметим, что протомузейным формам стоит уделить не меньшее внимание, чем собственно формам организации музейности в виде привычного социокультурного института – музея [Сапанжа, 2009; Сапанжа, 2011]. Понимая под *музейностью* способ наделяния субъектом особыми свойствами объектов реального мира с целью сохранения исторического потенциала и творческого резерва опыта человека и человечества, реализуемый в собраниях предметов, репрезентирующих этот опыт, стоит подчеркнуть, что именно музейность является «культурной формой», которую осваивает человек, создавая музейное пространство как динамичную структуру культурных артефактов. Появление тех или иных видов музея – ответ культуры на запрос по актуализации музейности на каждом этапе развития.

Первым этапом является возникновение и осознание новой потребности (интереса). В истории музейного дела (как, впрочем, и в истории иных культурных форм) этот этап является самым продолжительным, а его корни можно при желании обнаружить в самых отдаленных периодах развития человечества, известных науке [Художественная культура..., 1985. С. 85]. Систематизируя различные формы домузейного собирательства, В. П. Грицкевич предлагает анализировать их в контексте мотиваций – причин возникновения коллекций. Он выделяет сакральную мотивацию, экономическую, социального престижа, групповой принадлежности, доказательства родства с легендарными предками, патриотического характера, как средство возбуждения любознательности, как средство исследовательской деятельности, как средство эстетического переживания [Грицкевич, 2004. С. 70–92]. Очевидно, что большинство мотиваций уже имело место в древнейшем обществе. Среди основных видов бытования протомузейных собраний в архаичном, древнем и средневековом обществах Грицкевич выделяет гробницы, жертвоприношения, трофеи, реликвии, культовые предметы, сокровища [Там же. С. 94]. Как видим, задач информационного обеспечения не ставилось, да и не могло ставиться в условиях синкретичной культуры.

Показательно, что, предлагая периодизацию истории музейного дела, В. П. Грицкевич выделяет первый «этап, на котором реализация музейного принципа (то есть стремления соби-

рать, хранить и представлять изъятые из утилитарного обихода материальные предметы, представляющие в глазах собирателей особую ценность) происходила без создания самостоятельного социокультурного института, в виде предмузейных собраний» [Там же. С. 250]. Под «музейным принципом» можно понимать «музейную потребность», реализация которой впоследствии привела к рождению культурной формы – музея.

Музей как новая форма собраний предметов, утративших утилитарное значение, хранящихся в особом помещении и выставляемых напоказ, появляется в XV в., так как именно «в Италии в эпоху Возрождения существовали все три предпосылки создания музея как самостоятельного социокультурного явления» [Там же. С. 104]. Несмотря на то что эти собрания часто носили другие названия («студьоло», «антиквариум», «кунсткамера», «галереи» и пр.), по функциям это были уже музейные учреждения. Связано это с самим принципом организации коллекций и определенными тенденциями их демонстрации (в формах, не связываемых прямо с экспозиционными принципами и предполагающими возможность знакомства с коллекцией весьма ограниченного круга лиц). Не только художественные коллекции (среди которых наиболее известны коллекции папского двора и флорентийской династии Медичи), но и другие собрания (минералогические коллекции, ботанические сады, зверинцы, анатомические театры и научно-технические коллекции) появляются в XV–XVI вв. Некоторые были доступны для публики (как, например, коллекция минералов врача К. Геснера из Цюриха, которая стала доступной для публики в 1550 г. [Там же. С. 154]), но «широкой популярности среди населения эти учреждения не имели» [Там же. С. 160]. Тем не менее интеграция культурной формы «музей» в социальную практику состоялась, начался процесс ее символического освоения в качестве «своей», идентифицирующей культурной особенности.

Период функционирования культурной формы в социальной практике (для музея период с XVI по XXI в.) осуществляется в виде прямого и вариативного воспроизводства в культурных артефактах, формировании стандартов ее смысловой интерпретации и их постепенной изменчивости.

Таким образом, можно говорить о трех формах проявления в культуре специфической потребности: домузейной, музейной и немuseumной. Первая форма охватывает период до возникновения музея как социокультурного института и включает различные варианты проявления внеутилитарного интереса к пространству материальных объектов (среди которых преобладают сокровищницы), вторая представляет собой наиболее типичную яркую форму общественного выражения этой потребности (типичная не означает постоянная; напротив, музей как социокультурный институт подвержен постоянному изменению в зависимости от логики развития культуры или вопреки ей), третья – различные варианты немuseumного удовлетворения потребности.

Представленный вектор исторического анализа (достаточно разработанный в отечественной науке) раскрывает *институциональную динамику* культурной формы. Стоит также отметить, что именно в институциональной плоскости следует искать самые надежные показатели динамики и развития изучаемой сферы культуры [Художественная культура..., 1985. С. 85].

Но данный подход не позволяет проследить динамику культурной формы *как способность актуализации памяти*. В зависимости от типа культуры трансформируются конкретные формы хранения/ воспроизведения текста. Традиционная культура помнит все, но только в актуализированной форме – не посредством хранения памятника, а посредством постоянного воспроизведения текста, постоянно же потребляемого (произведение, специально сохраняемое как оригинал в силу сакрального, меморативного или прикладного статуса). Идея хранения неактуализированного сейчас наследия может возникнуть только в условиях динамичной культуры, когда изменчивость искусства становится нормой и минувшее осознается как невозвратимое. Данное положение имеет принципиальное значение для анализа причин появления музея как социокультурного института, изначально осуществляющего хранение объектов,

окончательно изъятых из контекста утилитарного использования. Формы проявления музейности в античной и средневековой культуре предполагали именно постоянное «потребление» текста, его активное использование. В дальнейшем идея такого «использования» памятника продолжала существовать в «скрытых» формах коллекционирования. Сегодня же установка традиционной культуры на постоянную актуализацию того, что можно обозначить как наследие, в контексте культуры постмодерна приобретает обновленное звучание. Наряду с отношением к памятнику как безусловному артефакту, который надлежит тщательно охранять, защищать и не включать в различные активные практики, отчетливо прослеживается тенденция, связанная с использованием (вплоть до утилитарного) объектов, одновременно воспринимаемых как памятники. Расцвет различных форм демонстрации музейного отношения к действительности, связанный с собиранием и использованием бытовых предметов, ярко иллюстрирует это положение.

В контексте исторической типологии представляется целесообразным выделить два ключевых типа представления музейности: тип традиционной музейности и тип динамической (креативной) музейности. Хронологические границы *традиционного типа музейности* соответствуют истории традиционной культуры, т. е. охватывают время до эпохи Возрождения. Этот этап характеризуется, в первую очередь, хранением и использованием (презентацией) материальных предметов в актуализированной форме. Подобная установка традиционной культуры определила возникновение соответствующих форм представления музейности, не ориентированных на создание специального института, в задачи которого входили бы сохранение и презентация, но не активное «потребление» артефактов. Напротив, каждая из исторических форм представления музейности в рамках традиционной культуры неизменно включала предметы в плоскость их функционального использования.

Самые первые формы представления традиционной музейности можно обозначить как *архаические праформы*, непосредственным образом связанные с важнейшими вопросами происхождения человека и рождения культуры. Музейность можно рассматривать как элемент «социокультурной генетики», связанной с небиологической передачей от индивида к индивиду и из поколения в поколение вырабатываемого людьми опыта [Каган, 2000. С. 44]. В связи с тем что первобытная культура не знает отчетливой дифференциации по видам человеческой деятельности, формы представления музейности максимально интегрированы в общую картину синкретической деятельности человека. В праформах выражения музейности, включенных в общую картину мира, которые не удастся вычленивать в самостоятельные проявления, безусловно, сказывается синкретизм традиционной культуры с ее целостностью, взаимосвязанностью элементов. Первые признаки проявления музейности можно обнаружить в древнейшем ритуале – погребении, связанном с возникновением представлений о человеке и окружающем мире.

Лишь последовавшая дифференциация человеческой деятельности способствовала выделению первых самостоятельных форм проявления музейности. Возникновение производящего хозяйства, которое определило переход от социального и культурного синкретизма, формирование трех различных типов культур (скотоводов-кочевников, земледельцев, ремесленников – жителей городов Античности) [Там же. С. 149–161], позволяет четко провести границы между конкретными коммуникационными каналами, в связи с чем большее распространение имеют различного вида переходные формы (сочетающие прообразы различных институтов или действий). Формы представления музейности в данных типах культур можно определить как *контекстуальные*: собрания существовали не как самоценное образование, важен был контекст их использования. В частности, сложно говорить о внеутилитарности собраний Древнего Египта.

В Античности коллекционирование приобретает, казалось бы, самостоятельный характер. Тем не менее само слово «музейон», давнее название современному институту, обозна-

чало «место, посвященное музам», и представляло собой святилище муз, которое могло стать и местом проведения творческих состязаний поэтов. Музеи, таким образом, представляли собой центры интеллектуальной жизни.

Если же говорить о коллекциях предметов, накапливаемых в древнегреческих храмах, то речь должна идти не о сознательном коллекционировании предметов, не обладающих утилитарными функциями, а о существовании подобных коллекций как части общего культа приношения богам, характерной для древнегреческой культуры. В Древнем Риме изменяется характер источников пополнения храмовых сокровищниц (вместо индивидуальных подношений основным становится способ пополнения собраний «трофеями»), однако их сакральный характер не изменяется, приобретая лишь усилившиеся черты репрезентативности.

Общая для средневековой культуры доминирующая роль двух сил – религии и Церкви – определила представление музейности в рамках традиционной культуры в форме храмовых сокровищниц, что позволяет также анализировать их как контекстные формы представления музейности, имеющие значение как сакральные предметы, включенные в религиозную практику. Если же мы говорим о «сокровищницах» (к которым относятся королевские сокровищницы, такие как сокровищница Карла Великого, располагавшаяся в Ахенской капелле, или Карла V Мудрого, сокровищницы русских царей), то речь идет не о формах сознательной аккумуляции предметов и наделении их особыми смыслами, а о презентации власти.

С XIV в. начинают появляться формы не контекстного, а *специального представления* музейности, связанные с систематическим собирательством, определившим развитие новых форм музейности в рамках типа динамической музейности (соответствующей динамической культуре). Они получают яркое воплощение в культуре Возрождения, определив основные векторы развития форм представления музейности вплоть до новейшего времени. Контекстные формы музейности нельзя признать исчезнувшими, но их стоит рассматривать как утратившие основные функции – являться частью иных значимых социальных и культурных практик. Именно включенность форм представления музейности в иные формы в качестве одного из элементов является важнейшей чертой, позволяющей трактовать их как служебные, не обладающие самостоятельными функциями и собственным морфологическим строением. Попытки преодоления подобной «служебности», как уже отмечалось выше, были предприняты в Античности, но не получили достаточного развития.

Новые формы, обозначившиеся до возникновения креативной культуры, но утвердившиеся в ее рамках, можно обозначить как самостоятельные или специальные формы представления музейности. Именно новые, самостоятельные (специальные) формы представления музейности стали одним из способов сохранения значимой информации и культурного кода креативной культуры. Не осознававшаяся традиционной культурой потребность в извлечении ряда объектов из активного использования (при наделении их особыми смыслами) в креативной культуре приобретает ключевой характер. Основываясь на достижениях культуры традиционной, культура креативная, тем не менее, стала развиваться в темпах, невероятно превосходящих предшествующее развитие. Ввиду существенно ускорившихся темпов развития и способов выработки внегенетической информации потребовались новые формы сохранения многообразных достижений. Новые формы сохранения музейности предложили варианты по сохранению достижений культуры.

Потребность в таких формах возникла в эпоху Возрождения. М. С. Каган отмечал, что при изучении перехода от одного исторического типа к другому (произошедшего в рассматриваемую эпоху) речь должна идти о трех основных путях: политической Революции, религиозной Реформации и научно-художественном Возрождении [Там же. С. 16]. Эпоху Возрождения неслучайно называют переходной: это был своеобразный синтез Античности, Средневековья и Нового времени. При анализе различных форм проявлений музейности это утверждение оказывается верным: коллекции эпохи Возрождения, в значительной мере основанные на антич-

ном материале, демонстрировали ценностные ориентации новой культуры и ее стремление сохранить историческую информацию, открывали перспективы развития новых форм, осуществившиеся в Новое время.

Среди основных вариантов самостоятельных (специальных) форм представления музейности стоит назвать собрания памятников Античности и произведений искусства (сочетающих черты коллекций и экспозиций), собрания диковинных, оригинальных вещей (кунсткамеры) и первых собраний естественных предметов (естественно-научные кабинеты). Помимо собраний произведений античного искусства, представлявшего особый интерес для эпохи Возрождения, формируется традиция собирания произведений современного искусства. Основоположителем этой традиции стоит признать Дж. Вазари. Для подкрепления ряда положений своей знаменитой книги «Описания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей зодчих» Вазари собрал коллекцию рисунков, сделанных им с картин разных художников (предвосхитив, таким образом, на практике положения концепции А. Мальро). Первые легли в дальнейшем в основу художественных музеев и иных художественных коллекций, во вторых (учитывая возможность собирать то, что интересно, оригинально) можно усмотреть истоки многочисленных проявлений музейности, связанные с интересом к многообразному миру вещей, получившим развитие со второй половины XIX в., когда вещь стала рассматриваться как носитель личностных смыслов, третьи стали прообразом естественно-научных музеев и коллекций.

Таким образом, начиная с эпохи Возрождения становится возможным выделить самостоятельные формы представления музейности, которые сохраняют определенную стабильность на протяжении длительного времени. Основными проявлениями специальных форм становятся общественные музеи и частные коллекции, неизменно расширяется круг объектов для собирательства и демонстрации. Об актуализации и ориентации на зрителя речи не идет.

К началу XX в. были сформированы основные варианты самостоятельных форм представления музейности, что определило рождение научного направления, призванного их осмыслить.

Однако к середине XX в. структура самостоятельных форм стала обнаруживать отчетливые черты кризиса. Истоки этого кризиса стоит усматривать в общих тенденциях развития культуры XX в. Переходным считал этот век П. Сорокин, нестабильным называл его Х. Ортега-и-Гассет. XX век – век кризиса культуры, научно-технических революций и формирования общества массового потребления, массовых коммуникаций.

Анализ новых форм представления музейности позволяет выделить ряд тенденций, свидетельствующих если не о кризисе, то о существенных трансформациях. Первая связана с расширившейся сферой объектов, подвергающихся сохранению и презентации. Названная тенденция проявляется как в стремлении сохранить максимально большее количество предметов окружающего мира, так и в «разрастании» объектов сохранения: территорий, памятников архитектуры. К концу XX в. предметом особого музейного отношения может стать практически любой объект реального мира. Вторая связана с усложнением форм представления музейности: количество вариантов представления объектов реального мира растет. Третья проявляется в стремлении современной культуры активно включить памятник в систему жизни человека (о чем шла речь в начале статьи), что позволяет пока очень осторожно говорить об интересе к тому типу актуализации памятника, который был характерен для первых этапов развертывания идеи музейности в культуре, и сделать вывод о формировании во второй половине XX в. новых синтетических форм представления музейности как проявления кризиса креативной культуры. Эти формы характеризуются, прежде всего, включением максимального количества объектов в круг специфической музейной деятельности и стремлением актуализировать эти объекты в качестве элементов современной культуры.

Задачей развития музейного пространства является, как представляется, создание системы, обеспечивающей необходимый баланс между развитием музея как пространства диа-

лога, творчества, эксперимента (а музейного мира как креативного кластера) и функциями музея по сохранению, систематизации, представлению достоверной исторической информации и обеспечению ею современной науки.

Библиография

Воронцова Е. А. Информационное обеспечение исторической науки: к постановке проблемы // 150 лет на службе науки и просвещения: сборник материалов междунар. науч. конференции, посвященной 150-летию открытия для публики Чертковской библиотеки, 75-летию бренда «Государственная публичная историческая библиотека» и 130-летию открытия Государственного исторического музея, состоявшейся 5–6 декабря 2013 г. М.: ГПИБ России, 2014. С. 363–372.

Грицкевич В. П. История музейного дела до конца XVIII века. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та культуры и искусства, 2004. 304 с.

Каган М. С. Введение в историю мировой культуры: В 2 кн. Кн. 1. СПб.: Петрополис, 2000. 290 с.

Культура участия: музей как пространство диалога и сотрудничества / Ред. – сост.д. Агапова. СПб.: б. и., 2015. 160 с.

Сапанжа О. С. Категория музейности в музееведении и культурологии // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. № 4. Т. 2. Серия: Философия. СПб., 2009. С. 189–198.

Сапанжа О. С. Предчувствие музея: культурология музейности // Вопросы культурологии. № 4. 2010. С. 68–71.

Художественная культура в докапиталистических формациях. Структурно-типологическое исследование / Науч. ред. М. С. Каган. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1984. 304 с.

М. Ф. Румянцева

**Музейный предмет и музейная экспозиция в
структуре актуального исторического знания**

M. F. Roumiantseva

**Museum Object and the Museum Exhibition in
the Structure of Actual Historical Knowledge**

УДК 930.1

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы музейного предмета как исторического источника в системе информационных ресурсов исторической науки и места «музейной истории» в структуре актуального исторического знания. Выявляется воздействие трансформации социокультурной ситуации на изменение социального запроса к историческому знанию и соответственно на модификацию взаимоотношений между «музейной историей» и историческим знанием в целом. Исследуется влияние трансформации теоретико-познавательной ситуации на вовлечение в научный оборот изобразительных и вещественных исторических источников – музейных предметов. Анализируется музейная экспозиция как форма репрезентации истории в контексте соотношения исторической науки и социально ориентированного историописания.

Abstract: Discusses the problems of a museum object as a historical source in the system of information resources of historical science and space of «museum history» in the structure of actual historical knowledge. It also reveals the impact of the transformation of social and cultural situations, social change request to the historical knowledge and, accordingly, modification of the relationship between the «museum history» and historical knowledge in general. Examines the impact of the transformation of the epistemological situation to engage in scientific circulation of visual material as historical sources – museum objects. Analyzed the museum exhibition as a form of representation of history in the historical context of the relation of science and socially oriented research.

Ключевые слова: историческая наука, музееведение, музейный предмет, музейная экспозиция, репрезентация, исторический нарратив, постмодерн, постпостмодерн, визуальный поворот, изобразительные исторические источники, вещественные исторические источники.

Keywords: historical science, museum study, museum object, museum exposition, representation, historical narrative, postmodern, post-postmodern, visual turn, visual historical sources, material historical sources.

Базовый тезис настоящей работы в своей основе не оригинален. Я воспроизвожу его лет двадцать – с 1990-х гг., когда в отечественной исторической науке стал явственно ощущаться кризис исторического метанарратива / мастернарратива, который многие историки, и особенно неисторики, приняли за крах советской идеологизированной картины прошлого. Кризис идеологии, несомненно, имел место быть – глупо было бы это отрицать, – но важно осознать другое: этот кризис идеологии наложился на глобальные процессы в историческом познании, обусловленные ситуацией последней трети XX в. – ситуацией постмодерна.

Разрабатываемый мною в те времена тезис применительно к музейной экспозиции выглядел так: в ситуации постмодерна музейная экспозиция, по необходимости, перестала быть иллюстрацией мастернарратива и приобрела самостоятельное значение в позиционировании исторического знания (эта позиция зафиксирована в моем докладе на заседании Научного совета исторических и краеведческих музеев при Минкультуры России 19–22 ноября 2002 г. [опубл.: Румянцева, 2005]). В основе этого утверждения – понимание музея как научного учре-

ждения, одной из основных функций которого является именно *позиционирование* исторического знания. Я, естественно, не претендую на нормативный характер этого определения, это рабочий вариант, используемый исключительно в контексте настоящих размышлений. Но на рубеже XX–XXI вв. произошла существенная трансформация как социокультурной, так и теоретико-познавательной ситуации; это заставило уточнить сформулированный выше тезис, что было сделано в докладе на международной научно-практической конференции «Роль музеев в формировании исторического сознания» (Москва – Рязань, 25–28 апреля 2011 г.) [Румянцова, 2011].

В том докладе я отмечала сложность анализа незавершенной исторической ситуации. Ситуация остается незавершенной, но осмысление ее продолжается, что дает возможность несколько уточнить изложенные в вышеупомянутом докладе воззрения. Но дело не только, а может быть, и не столько в уточнении проведенного несколько лет тому назад анализа ситуации, а в том, что ситуация хотя и сохраняет свою качественную определенность ситуации постпостмодерна, но продолжает модифицироваться, заставляя выявлять все новые нюансы актуальной познавательной ситуации в сфере исторического знания.

Суть этой модификации, на мой взгляд, в следующем: в актуальном историческом знании музейная экспозиция приобретает функции не только *позиционирования* (о чем подробно говорилось в докладе 2011 г.), но и *репрезентации* (если использовать этот термин в понимании Ф. Анкерсмита) истории.

И еще раз подчеркну, что дело здесь не только в уточнении моей позиции, но и в происходящих на наших глазах трансформациях. Наиболее зримое подтверждение таких трансформаций – ряд крупных выставочных проектов, например проект «Моя история», в рамках которого была организована выставка-инсталляция «Династия Романовых» [Проект «Моя история», 2013–2015].

Выделим две проблемы: 1) музейного предмета как исторического источника в системе информационных ресурсов исторической науки, 2) соотношения и взаимодействия «музейной истории» и «истории историков». Во втором случае, ввиду явно ощущаемой ограниченности дискурсивных возможностей, я вынуждена использовать кавычки. Поясню, что под «музейной историей» я подразумеваю все виды работ музея по изучению и позиционированию аккумулированных в музее исторических источников – музейных предметов, особенно неписанных – вещественных и изобразительных. А под «историей историков» я, очевидным образом, подразумеваю традиционное историческое знание, получаемое историками преимущественно из письменных исторических источников и позиционируемое в письменной (печатной) форме. Здесь важно подчеркнуть, что место работы такого «традиционного» историка не имеет значения: это может быть сотрудник института системы Академии наук или преподаватель университета, а может быть и сотрудник музея.

Рассмотрим каждую из проблем в двух системах координат – по вертикали и по горизонтали. *По вертикали* – надо попытаться уловить трансформации *социокультурной ситуации*, определяющие изменение социального запроса к историческому знанию и соответственно модификацию взаимоотношений между «музейной историей» и «историей историков», и *ситуации теоретико-познавательной*, влияющей на место изобразительных и вещественных исторических источников – музейных предметов в системе информационных ресурсов исторической науки. *По горизонтали* – необходимо выявить структуру современного исторического знания, как минимум в той мере, которая позволит рассмотреть вторую из заявленных проблем – соотношение «музейной истории» и «истории историков».

Социокультурная ситуация: от модерна – через постмодерн – к постпостмодерну, или закон отрицания отрицания. В рамках настоящей статьи я не буду подробно останавливаться на характеристике социокультурной ситуации (тем более что не раз это делала в предыдущих

работах), ограничусь только одним аспектом, непосредственно выводящим нас на изменение теоретико-познавательной ситуации и структуры исторического знания.

Переход от модерна к постмодерну на рубеже второй-третьей трети XX в. (в качестве реперной точки здесь выступает 1968 г.) может расцениваться как «конец истории» (по определению Ф. Фукуямы), т. е. конец мегацикла существования человечества, характеризующегося историческим типом социальной памяти, которой присущ письменный механизм фиксации. Ситуация постмодерна оказалась не очень длительной, но на ее протяжении отчетливо проявились две интересующие нас в контексте «музейной истории» тенденции: 1) кризис исторического метанарратива, своеобразно подытоживающий кризис линейной модели истории, столь соответствующей письменной форме ее репрезентации, 2) потребность расширения источниковой базы исторической науки за счет источников иных типов, нежели письменные, соответствующие письменному механизму фиксации социальной памяти исторического типа [подробнее см.: Источниковедение, 2015. С. 105–109].

Переход от постмодерна к постпостмодерну в начале XXI в. усилил вторую тенденцию. Что касается нарратива, то все более явно обнаруживается стремление к ренарративизации, происходит своего рода отрицание отрицания. Природу ренарративизации мы здесь обсуждать не будем, но отметим, что одним из факторов этого процесса является имманентно присущий социуму постпостмодерна манипуляционный характер.

Теоретико-познавательная ситуация: расширение источниковой базы исторической науки. Трансформации исторической науки с конца XIX до начала XXI в. принято описывать через понятие *поворот* – социологический, психологический, антропологический, лингвистический и т. д. Каждый такой *поворот* вел к нарастанию междисциплинарных взаимодействий исторической науки и, как следствие, – к необходимости расширения ее источниковой основы. На рубеже XX–XXI вв. происходят визуальный и вещный / вещественный (он в меньшей степени акцентирован исследователями) повороты в историческом знании [подробнее см.: Гайдук, 2014; Мазур, 2010–2015], что, по-видимому, обусловлено новой визуализацией культуры при развитии компьютерных коммуникаций и особенно формированием виртуальной реальности / реальностей. Естественно, что внимание к визуальным и вещественным историческим источникам влечет за собой внимание исторической науки к музейному предмету в качестве исторического источника.

Но здесь историки сталкиваются с весьма серьезной проблемой – неразработанностью археографии музейного предмета, т. е. методов его публикации (и вообще введения в научный оборот). Археография музейного предмета – это фактически место встречи хранящихся в музеях вещественных и изобразительных источников с исторической наукой, это способ включения музейных предметов в комплекс информационных ресурсов исторического познания. На это я обращала внимание в докладе 2011 г. Для поиска путей решения этой проблемы в 2012 г. была проведена конференция по археографии музейного предмета, однако она в большей мере выявила неудовлетворительный уровень разработки этой области археографии [Археография музейного предмета, 2012], чем способствовала решению проблем. И каких-то подвижек в этой области пока не видно.

Теоретико-познавательная ситуация: от кризиса метанарратива к ренарративизации. Проблема репрезентации. В ситуации постмодерна наложились друг на друга две тенденции: с социокультурной точки зрения – кризис доверия к историческому метанарративу [Лиотар, 1998. С. 10], с теоретико-познавательной точки зрения – проблематизация нарратива, его познавательной ценности. Ф. Анкерсмит, отмечая успехи теории исторического познания, достигнутые в середине XX в. на методологической основе аналитической философии, сформулировал проблему нарратива наиболее отчетливо: «...проблема, касающаяся того, как историк с помощью повествования [выделено автором. – М. Р.] интерпретирует результаты исторического исследования, была почти полностью оставлена без внимания. Это упущение кажется

тем более серьезным, что именно в этом, скорее всего, и заключается сущность исторического знания: в историографии ценность исторического сочинения определяется не столько фактами, открытыми в нем, сколько нарративной интерпретацией этих фактов» [Анкерсмит, 2003. С. 13].

Труды Ф. Анкерсмита и других историков по проблеме нарратива утвердили в научном сообществе мысль о невозможности его верификации и, как следствие, породили весьма скептическое отношение к его познавательным возможностям.

Однако на излете постмодерна ситуация начала меняться. Ал. Мегилл отмечает: «...в последние тридцать лет, или около того [работа опубликована в 2007 г. – М. Р.], так много голосов было поднято в пользу ренарративизации многих областей исследования для придания им нравственной цели, здравого смысла, маргинальных голосов, независимой рациональности, демократических идеалов и пр.» [Мегилл, 2007. С. 175].

В то же время Ф. Анкерсмит, поставивший в работе 1983 г. проблему нарратива и исследовавший нарративную логику, продолжив разработку этой проблематики, пришел к отказу от понятия «нарратив», предложив заменить его более приемлемым для научного исторического познания понятием *репрезентации*: «Наконец, о нарративизме. Его использование в философии истории достойно сожаления. Например, нарративизм имеет тенденцию редуцировать историческую репрезентацию к рассказыванию историй, где, как и в случае с вымыслом, не существует требование репрезентационной адекватности. Рассказывая свою историю, романист обладает некоторой свободой, которая отсутствует, когда историки пытаются отдать должное прошлому, „каким оно было на самом деле“ <...>. Именно поэтому мы должны отказаться от понятия „нарративизм“ в пользу „репрезентации“. Последняя предполагает, что взаимодействие между репрезентированным и репрезентацией есть наш путеводитель и компас в поисках исторической Истины» [Анкерсмит, 2009. С. 15].

Не ставя перед собой цели сколь-либо подробно проанализировать понятия «нарратив» и «репрезентация», а также их соотношение, приведу лишь одно наблюдение Ф. Анкерсмита: «В отличие от словаря описания и объяснения, словарь репрезентации способен принять во внимание не только детали прошлого, но также и способ, которым эти детали были объединены в границах всей тотальности исторического нарратива» [Там же. С. 177]. На мой взгляд, именно эта особенность репрезентации делает ее релевантной для описания музейной экспозиции как результата исследовательской работы историка-музейщика.

Затронем еще одну проблему, непосредственно выводящую нас на возможности репрезентации истории, – проблему *фрагментации* исторического знания, смысл которой Ал. Мегилл видит в следующем: «Предположение, что единственная История существует, не может быть поддержано ни субъективно, как научное предприятие, ни объективно, как действительно большой нарратив, который можно рассказать сейчас или в будущем» [Мегилл, 2007. С. 294]. Ал. Мегилл справедливо замечает: «Вера в то, что синтез – это достоинство, а фрагментация – недостаток, глубоко укоренилась в культуре академических историков. Каждые несколько лет выдвигаются предложения того или другого синтеза. Давайте, однако, быть начеку, все призывы к синтезу – это попытки навязать интерпретацию...» [Там же. С. 256–257]. И далее: «...„синтез“ и „интеграция“ *никогда* [выделено автором. – М. Р.] не вбирают в себя все возможно существенные исторические феномены...» [Там же. С. 257].

Таким образом, «музейная история» (впрочем, как и «история историков») выскальзывает из-под влияния метанарратива, которого больше нет не только в качестве «нормативной» реальности исторического прошлого, но и в качестве конечной цели исторической науки – идеального результата, в который необходимо вписать репрезентируемый «фрагмент реальности». «Музейная история» обретает самостоятельность в репрезентации истории.

Историческая наука и социально ориентированное историописание в структуре современного исторического знания. Наиболее важная и одновременно наиболее спорная особен-

ность актуальной ситуации, ситуации постпостмодерна, – разрыв исторической науки и социально ориентированного историописания, которое, подчеркнем, требует не меньшего, а, можно сказать, даже большего профессионализма, чем собственно наука, поскольку эта сфера, в отличие от научных исследований, имеет тенденцию ускользать от внимания экспертного сообщества. При этом важно отличать социально ориентированное историописание, с одной стороны, от научно-популярной истории, которая имманентно соответствует классической модели науки, изжившей себя уже к концу XIX в., а с другой – от так называемой публичной истории (*public history*), под которой понимается публичное выступление профессионального (университетского) историка. Причем во втором случае, если только не предполагать, по умолчанию, что профессиональный историк владеет истиной и не имеет иных задач, кроме как ее позиционировать, мы вынуждены будем вывести *public history* за пределы рассмотрения, поскольку она выделена по совершенно иному критерию, нежели научная и социально ориентированная история.

Убеждение в том, что задача профессионального историка – преодолевать «заблуждения массового сознания», является по-прежнему весьма устойчивым. Представляется, что эта позиция более характерна для англоязычной и, отчасти, французской историографии. Например, стоит оценить (пусть и в переводе) яркий дискурс американского историка (канадского происхождения) Ал. Мегилла, который, рассматривая вопрос в контексте проблематики памяти, пишет: «...мой тезис состоит в том, что история, скорее, должна *элиминировать память и заменить ее чем-то другим* [sic! – выделено мной. – М. Р.], что не так привязано к потребностям настоящего» [Там же. С. 101]. Но тот же автор вынужден признать: «Ориентированная на память историография есть особый случай более общей категории историографии, которую можно назвать аффирмативной, т. е. утверждающей, потому что ее главная цель состоит в том, чтобы утвердить и превознести определенную традицию или группу, чью историю и опыт она изучает» [Там же. С. 99].

Таким образом, в начале XXI в. складывается парадоксальная, на первый взгляд, ситуация: в условиях визуального и вещного поворотов в историческом знании, когда особо остро ощущается потребность исторической науки в актуализации информационных ресурсов музея, хранящего как раз вещественные и изобразительные исторические источники, происходит жесткое разделение / разрыв исторической науки и различных форм позиционирования исторического знания – в первую очередь социально ориентированного, – что не может не сказаться на взаимоотношениях «музейной истории» и «истории историков», поскольку существенная, если не ведущая, роль в позиционировании исторического знания принадлежит музею и эта роль усиливается в связи со все более заметным преобладанием в культуре визуального над письменным.

Итак, согласившись с идеей одного из ведущих теоретиков исторического нарратива Ф. Анкерсмита о том, что применительно к научному историческому познанию более корректно говорить о *репрезентации* истории, а не о ее *нарративизации* [Анкерсмит, 2009. С. 213–258], подчеркнем, что музейная экспозиция выступает, с этой точки зрения, как самостоятельная, равноправная с историческим нарративом (в строгом смысле) форма репрезентации истории. И именно осознание этого статуса, на мой взгляд, позволит снять сформулированное выше противоречие.

В этом контексте по-новому может быть рассмотрена проблема «музейного источника», который в структуре музейной экспозиции выступает как исторический факт, совокупность которых и выстраивается в музейную экспозицию по законам исторической репрезентации.

С этой точки зрения необходимо поразмышлять над еще одной проблемой, лежащей в плоскости источниковедения историографии, – включением каталога выставки в систему видов историографических источников [подробнее см.: Источниковедение, 2015. С. 525–560]. Исследование каталога выставки как историографического источника должно изменить ракурс

его рассмотрения: каталог выставки должен восприниматься не только и не столько как форма публикации отдельных музейных предметов – исторических источников, но как целостная репрезентация истории.

Библиография

Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. 400 с.

Анкерсмит Ф. Р. Нарративная логика: Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.

Археография музейного предмета: материалы международной научной конференции, г. Москва, 16–17 марта 2012 г. М.: РГГУ, 2012. 201 с.

Гайдук В. Л. Визуальный поворот в исторической науке в конце XX – начале XXI века // «Стены и мосты» – II: междисциплинарные и полидисциплинарные исследования в истории: материалы Международной научной конференции, Москва, Российский государственный гуманитарный университет, 13–14 июня 2013 г. М.: Академический проект, 2014. С. 148–156.

Источниковедение: учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков и др.; отв. ред. М. Ф. Румянцева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 685, [3] с.

Лиотар Ж. – Ф. Состояние постмодерна. М.; СПб.: Ин-т экспериментальной социологии; Алетейя, 1998. 160 с.

Мазур Л. Н. «Визуальный поворот» в исторической науке на рубеже XX–XXI вв.: в поисках новых методов исследования // Источниковедение. ru [Электронный ресурс]. Электрон. дан. М., сор 2010–2015. URL: http://http://ivid. ucoz.ru/publ/lappo_150/mazur_ld/16-1-0-144 (дата обращения: 04.09.2015).

Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. 479 с.

Проект «Моя история» // Фонд гуманитарных проектов. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. М., сор 2013–2015. URL: <http://www.romanovi-expo.ru/my-history/> (дата обращения: 16.05.2015).

Румянцева М. Ф. Историческая память и музейная экспозиция в ситуации постмодерна: размышления профессионального зрителя // XVIII век в истории России: Современные концепции истории России XVIII века и их музейная интерпретация. М.: ГИМ, 2005. С. 6–21. (Труды ГИМ. Вып. 148).

Румянцева М. Ф. Роль музеев в формировании исторического сознания: Международная научно-практическая конференция. Рязань, 25–28 апр. 2011 г.: материалы и доклады / Отв. ред. И. В. Чувилова. М.: ООО «НБ-Медиа», 2011. С. 16–26.

Л. С. Именнова
Историческое пространство и музей
I. S. Imennova
Historic Space and Museum

УДК 304.44

Аннотация: в статье исследуются концепты «историческое пространство» и «культурное пространство», различные аспекты их проявления в современном мире. Основное внимание уделяется конструированию музейного пространства. Музей, показывая события в пространственно-временном единстве, призван восстанавливать и сохранять историческое пространство. К какой бы профильной группе он ни относился, музей является историческим феноменом и как хранитель исторической памяти и культурного наследия представляет интерес для исторической науки.

Abstract: The author analyse «historic space» and «cultural space» concepts in cultural paradigms, various aspects of time perception. The researcher focused on the creation of museum space. Showing events in spatiotemporal unity the museum is intended to restore and to preserve the historic space. The museum is a historical phenomenon, and as the keeper of the historical memory and cultural heritage is of interest for historical science.

Ключевые слова: историческая наука, музееведение, историческое пространство, пространство культуры, музейное пространство, гетеротопия, постмузей, экспозиция, музейная дестинация, идентичность, аутентичность.

Keywords: historical science, museology, historic space, cultural space, museum space, heterotopy, post-museum, exposition, museum destination, identity, authentic.

Как бы современный музей ни старался быть актуальным, обращенным к проблемам сегодняшнего дня, в своей социокультурной специфике он остается хранилищем исторической памяти. По адресному посылу музейные выставки и экспозиции обращены к нашему современнику, ориентируются на насущные проблемы; по представляемым музейным предметам, освещаемым событиям, лицам они основываются на историческом фундаменте, «делах давно минувших дней». Музей как хранитель культурного наследия, к какой бы профильной группе он ни относился, всегда исторический феномен, потому представляет интерес для исторической науки. По мнению исследователей, содействуя увеличению объема разнообразия информации, совершенствованию ее качественных параметров, историческая наука и музей увеличивают хронологическую глубину социальной памяти [Воронцова, 2014. С. 9–15].

Связь музея и исторической науки на отдельных этапах их развития была более тесной. В XVIII–XIX вв. музей существовал как преимущественно научное учреждение; в XIX в. «музейная деятельность не только следовала за существовавшими тогда научными представлениями, но и оказывала на них проективное воздействие. Многие дисциплины естественно-научного и исторического цикла, так же как и ряд разделов искусствоведения, обязаны своим возникновением той работе, которая велась в стенах музеев»; в конце XIX в. «происходит переориентация от концепции научного, по существу закрытого, музея к концепции музея научно-просветительного, открытого для широкой публики» [Гнедовский, 1988. С. 70, 72]. В XX в. музей оказался ориентирован не на научное познание мира, а на его музейно-образную интерпретацию; инициатива музейных работников в создании новых способов передачи информации о предметном мире была направлена на его художественное, образное осмысле-

ние. В XXI в., определяемом как информационная эпоха, информационная функция в функциональной системе музея провозглашена одной из ведущих.

Информационная эпоха обуславливает особую роль знаний и образования в современном мире. Образовательный и интеллектуальный уровень общества в целом и посетителей музея в частности значительно вырос. Изменения коснулись и требований к кадровому составу музеев. Работа в крупных, ведущих музеях России для профессиональных ученых-историков была и остается престижной, что наглядно демонстрирует пример Государственного исторического музея (А. С. Уваров, И. Е. Забелин, Н. С. Щербатов и многие другие). В наши дни даже в небольших историко-краеведческих музеях для сотрудников желательно (а по сути – обязательно) историческое образование, полученное в образовательной организации или в процессе самообразования. Музейный работник (сотрудник фондов или экспозиционер) – это научный работник, что и отражается в названии должности. Таким образом, жесткой оппозиции «историческая наука – музей» не существовало и не существует. Тем не менее на практике в институциональном взаимодействии ученого-теоретика и научного сотрудника – музейного практика имеются объективные, а чаще всего субъективные трудности.

Утверждение о родстве и взаимообусловленности деятельности историка-ученого и научного работника музея представляется справедливым для научно-фондовой составляющей деятельности музея, которая заключается в извлечении информации из первоисточников и приращении исторического знания (с поправкой на теоретический или прикладной характер научной деятельности и специфику работы с музейными фондами). Что же касается экспозиций, то тут очевидна особенность музейной экспозиционно-выставочной практики, в основе которой должно лежать историческое исследование, однако презентация полученного в его результате знания специфична, на чем и представляется необходимым акцентировать внимание в настоящей статье.

В презентационной составляющей музей выступает хранилищем исторического пространства, понимаемого как совокупность общественно-культурных, экономических, политических, природно-географических процессов, протекавших на определенной территории.

Концепт «пространство» является одним из способов «рационализации мира, лежащим в основе миропонимания» (еще Аристотель говорил о величии и труднодостижимости топоса, т. е. местопространства); как важнейшая категория он занимает «центральное место в культурологическом осмыслении феномена музея» [Именнова, 2011. С. 81]. Историческое пространство формирует неповторимый облик музейной экспозиции, уникальность дестинации. Культурологи оперируют понятием «пространство культуры», «культурное пространство». Понятие «культурное пространство» реализуется в двух значениях: географическое или физическое пространство распространенности той или иной культуры; функциональное членение пространства на культурные зоны (жилую, хозяйственную, сакральную, погребальную и др.) [Флиер, 2010. С. 210–211].

Отмечается важность разграничения сакрального и профанного: «Область сакрального обычно отождествляется с центром пространства, представление о котором формируется еще до перехода к оседлости. Этот центр чаще всего отмечается алтарем, а затем храмом, на основе чего формируется абстрактное представление о мировой оси. Сила сакрального считается ослабевающей к периферии, и ее освоение рассматривается как приобщение новых областей к освоенному совместному пространству путем ее сакрализации. Отсюда столь важное значение символа пути, обозначающего движение от сакрального центра пространства к периферии или в противоположном направлении» [Пигалев, 1998. С. 141].

ЮНЕСКО определяет культурное пространство как место, в котором сосредоточена распространенная и традиционная культурная деятельность, характеризующаяся определенной периодичностью (циклической, сезонной, календарной) или событийностью. Специалисты отмечают, что культурное пространство не обязательно должно быть местом культурного

наследия. Культурным пространством может быть названо любое место проведения массовых представлений, местонахождение ассоциированного объекта, коллекции или ландшафта, городская улица, культовое сооружение или комплекс [Мошняга, 2011. С. 82, 83]. В эпоху индустриализации продолжается диверсификация культурного пространства; наряду с другими специализированными типами выделяется культурное пространство музея как характеристика протяженности, структурности, взаимодействия, смысловой наполненности культурной сферы.

Понятие «культурное (социокультурное) пространство музея» имеет несколько значений: 1) продукт деятельности в музейной сфере, музейная ойкумена как совокупность территорий, на которых созданы и действуют музеи; историко-культурные области музейной деятельности, отдельные музеи и музейные учреждения; 2) совокупность межкультурных взаимодействий, информационных и ценностных обменов между социальными, этническими, демографическими, территориальными общностями и субкультурами; 3) совокупность ценностей, норм, правил, которыми руководствуются участники музейного взаимодействия.

Динамику осмысления музея как сакральной зоны прослеживает Ю. В. Иванова: «Изначально музей был тем местом, куда попадали особые предметы, наделенные выдающейся художественной, исторической, познавательной или иной ценностью. С течением времени исключительность, сакральность музейных собраний как бы „отделяется“, „эмансипируется“ от конкретных вещей и переходит на пространство музея как такового. Так инверсия смысла приводит к тому, что к концу XX в. любые предметы, попадающие в музейную экспозицию, автоматически начинают наделяться культурными смыслами и культурной ценностью высшего порядка. Нахождение предметов в пространстве музея придает им статус исторических памятников. Онтологическое и даже сакральное значение получает теперь пространство экспозиции. Музейные экспонаты по факту их нахождения в „священном“ пространстве музея маркируются как некие особые вещи, наделенные высшей подлинностью и целым комплексом смыслов». Музейное пространство выделено из обычного пространства особой организацией и способами функционирования, обладает ярко выраженной спецификой: «Пространственно-временной континуум музея заставляет посетителя переключать свое обыденное восприятие пространства и времени в иной регистр. Музеи провоцируют этот акт переключения, поскольку они ориентированы на „эффект погружения“ в иные культуры или „эффект присутствия“ в ином культурном пространстве» [Иванова, 2005. С. 309–311].

Для культурологического осмысления феномена музея (в частности, музея-заповедника) важно понимание пространства как не только чего-то протяженного, осуществленного, но и пространства как становления, как динамического момента неравнозначности трех его измерений – длины, ширины и глубины: «Длина и ширина, несомненно, присутствуют в чувственном восприятии неподвижного человека как нечто единое, но глубина предполагает особое действие со стороны желающего ее воспринять человека, и благодаря этому движению плоскость только и становится пространством. Принципиально важна конститутивная функция движения по пути, его периодическое повторение образует пространство, характер существования которого скрывает его динамическую сущность» [Пигалев, 1998. С. 142].

Как отмечают исследователи, базовой мотивацией туриста (и музейного посетителя в частности) является поиск нового культурного опыта, личное осознание уникальности и многообразия других культур, познание «другого», принятие или отторжение «чужого». Для этого он входит в пространство «другого», посещает объекты «иной» истории и культуры, участвует в событиях, отражающих традиции «других», вплоть до проживания фрагмента жизни «другого». Позитивный результат заключается в том, что «свой» и «чужой» сохраняют собственную идентичность, свои культурные ценности, свое культурно-сообразное восприятие мира, что становится условием выживания и сохранения уникальности этнокультур.

У исследователя-историка, пришедшего в музей, имеются определенные преимущества перед другими посетителями, поскольку он обладает большей исторической компетентностью, а также отличие – профессиональная мотивация к исследовательской деятельности, основанная на базовых принципах анализа исторического материала: историзме, объективности, аналитичности, психологизме, компаративистике. Однако принцип объективности не означает смысловую однозначность. Историк в научном труде интерпретирует факты, вносит собственные смыслы, оценки. Не исключено влияние на него исторической конъюнктуры. Исследовательская мотивация может выйти за пределы научного измерения, а исследователь может оказаться под социально-политическим влиянием.

Если говорить о таком музейном учреждении, как экомузей, то, пребывая в одном реальном физическом пространстве, музейный посетитель и местный житель находятся в разных отношениях к социокультурному пространству. Для посетителей музейный нарратив создает иллюзию, что движение жизни остановилось, что пространство застыло во временной неизменности [Именнова, 2014. С. 114]. Для них важна идеализация чужеродного пространства, статика ушедшего времени, отсутствие перемен, что не свойственно принимающей стороне, для которой это пространство «свое», пространство дома, с привычным, обыденным образом жизни. Для «хозяев» презентуемое пространство обыденно, повседневно – музейная аудитория ожидает эксклюзивности, уникальности, постоянного подтверждения того, что данное место не похоже на его дом, что в нем наличествует культурная отличность и странность. Объекты наследия должны «оставаться в прошлом», оставаться не тронутыми современностью, сохранять признаки и черты уникальной аутентичной культуры [Мошняга, 2011. С. 130].

Статус культурологической категории придает музейному пространству антропологическое измерение. Пространство музея приобретает индивидуальный, личностный характер, основой которого является интериоризация культурного пространства музея через эмоциональное восприятие и интеллектуальное постижение (в том числе исследователем-историком). Музейное пространство зачастую ассоциируется с музейной экспозицией, в которой ее авторы стремятся создать максимальную приближенность к определенной исторической эпохе, отдаленной от настоящего времени, делая доминирующим «эффект приобщения» [Мастеница, 2010. С. 217].

Специфика пространства и времени, в том числе и музейного, заключается в том, что, в отличие от материальных предметов, они не могут быть восприняты в полном объеме с помощью органов чувств. Сверхчувственное заменяется чем-то наглядным, что позволяет сделать метафора. Образы пространства и времени соединены с определенными метафорами и обусловлены ими [Пигалев, 1998. С. 132].

Культурное пространство экспозиции характеризуется такими параметрами, как протяженность, структурность, смысловая наполненность ее элементов, их взаимообусловленность и композиционное единство. При этом необходимо сохранение целостности исторического пространства (в той мере сохранности, какую мы имеем на сегодняшний день). Тут решающую роль должен сыграть музейный работник, имеющий историческое образование и опирающийся на актуальные научные исследования в области истории.

В музейной практике генерируется совокупность взаимосвязанных современных и исторически обусловленных культурных пространств, сконструированных пространственно-временных знаков, образов, символов. Сложным представляется процесс взаимодействия прошлого, настоящего и будущего в культурном пространстве музея. «Наше» и «чужое» пространство, «мое» и «иное» время – на многогранной игре взаимосвязи и противостояния этих представлений строятся музейные впечатления.

Музей обусловлен реальным пространством. Но в силах (и в задачах) музейного работника конструирование нового музейного пространства, в том числе в рамках экспозиционной, выставочной деятельности. Более того, успешность работы коллектива музея зависит от

точности, яркости, глубины решения всего пространства музея как цельного, точного образа. В экспозиции специфически профессионально решаются проблемы моделирования локальных культурных пространств. В рамках каждой научной дисциплины имеется историческая составляющая (история литературы, история искусства, история техники и т. д.). Музейное пространство – пространство истории различных сфер человеческой деятельности, а музейный работник реализует себя как историк, опирающийся на фундаментальные исторические труды и находящийся в курсе новейших тенденций профильной науки.

Пример экспозиционного показа последовательной смены исторических пространств дает Музей археологии и истории Монреаля (Канада) в Пуэн-а-Кальер – месте, где 17 мая 1642 г. высадились первые монреальские поселенцы, 53 человека, прибывшие из Франции. Под зданием Королевского страхового общества (где располагается музей) и прилегающей площадью были произведены археологические исследования. Музей дает доступ к находящимся под ним раскопкам: фрагментам канализационной системы XIX в., фундаменту трактира XVIII в. и кладбища, относящегося к 1643 г.

С понятием «пространство» связано понятие «место», которое мыслится наполненным собственным содержанием. В Древней Греции было положено начало традиции наделять «место» (географическую точку или архитектурное сооружение) особой мнемонической силой: архитектура места уподобляется сакральному пространству и способствует запечатлению в памяти индивида всего, что с этим местом связано [Жердева, 2010. С. 273].

Чувство «места» в музейной и туристской практиках связано с такой категорией, как «память». Память выступает механизмом формирования индивидуального и социального опыта, мифологизации времени и места, реконструкции прошлого. Память как историческое (и символическое) представление о прошлом является важным фактором культурной идентификации человека. По мнению Ю. А. Жердевой, образы памяти фрагментарны, условны, не обладают целостным значением до момента, пока социум или индивид не проецируют их в конкретные обстоятельства, которые даются им вместе с «местами памяти» (мнемоническими местами). Туристские и музейные практики основаны на поддержании, ритуализации «мест памяти», на стремлении сделать их образность более очевидной, укрепить те стирающиеся со временем стереотипы, которые составляют культурное наследие. Интересна мысль о том, что «места памяти» *существуют* вследствие *существования* угрозы разрушения памяти; их предназначение – поддерживать чувство продолжения истории. Выявление таких мест памяти – совместная задача историков, краеведов, музейных работников, соответствующих государственных и муниципальных структур, общественности.

Отношение к месту как фундаментальная черта человеческого существования является отношением человека ко всей окружающей среде. «„Место“ может быть описано как точка, в которой физические и культурные характеристики пространства сливаются с эмоциональным восприятием индивида. Под „чувством места“ мы понимаем отношение человека к своему жизненному пространству, выражающееся в непосредственных переживаниях относительно этого пространства и в осознании мотивов для локальной идентичности на его основе. Чувство места определяется не столько физическими параметрами, воспринимаемыми человеком, сколько уверенностью в том, что у каждого места есть своя особая, только ему присущая, локальная ценность» [Жердева, 2010. С. 273].

Локальный образ «места» уникален, чем он и привлекателен для посетителя музея, который «присваивает» памятное место, интегрирует его в субъективный опыт через локализацию личных пространственных ощущений. Особой популярностью пользуются мемориальные места – связанные с пребыванием великого человека или со знаменательным событием. Не составляет исключения ученый, историк: переживаемые в таком месте чувства способны придать мысли большую напряженность, остроту. Дополненная эмоциональностью логика может стимулировать исторические мышление.

Пространство жилища человека представляет собой уменьшенную модель пространства мира. В музейной символической системе это представление реализуется в мемориально-бытовых экспозициях, раскрывающих через бытовой интерьер внутренний мир личности (писателя, поэта и т. д.), ее творческую лабораторию, художественную образность его произведений. Перед экспозиционерами стоит трудная, но творчески интересная задача, поскольку считается, что «пространство жизни и пространство культуры – два мира, живущих по своим законам, но в странной зависимости: мечтая о гармоническом союзе, но ни в чем не находя согласия» [Арзамасцев, 2000. С. 14]. Оставаясь материальным, т. е. наполненным реальными предметами, пространство музея в большей степени символично, чем окружающий мир.

Г. Белтинг отмечал особый статус музея как места, куда доступен вход любому, места, которое пока еще не контролируется банками и компаниями: «Конечно, музеем манипулируют сильные мира сего, преследуя свои интересы, рассматривают его в качестве рекламы и места развлечений. Однако это противоречит смыслу, который заложен в нем изначально. Музеи должны быть защищены в качестве анклавов, куда не проник дух торгашества, они не должны служить сценой для маркетинга» [Белтинг, 2002. С. 14]. По отношению к ним Г. Белтинг предлагает использовать термины «гетеротоп», «гетеротопия» (Heterotopie), предложенные М. Фуко (1926–1984) и обозначающие место, альтернативное привычному миру, отделенное от привычной среды, не похожее на другие места в мире и противопоставленное им. «Место», как понимал его М. Фуко, – парадоксальное и, одновременно, образное и реальное пространство, в которое ведут реальные двери и лестницы, но в нем человек встречается с прошлым, с образами времени и пространства.

Таким образом, Г. Белтинг предлагает не приспособлять музей к условиям современной действительности, а решительно выделить его из обычной среды. Это способствовало бы определению места музея в противоречиях сегодняшнего мира: «На раннем этапе современной эпохи музей являл собой – представьте себе положение Лувра в Париже – нечто воображаемое или чужеродное в центре городской среды. Он действовал как иная сущность, противопоставляя себя реально существующему Парижу. Эта ситуация, кажется, меняется после того, как мы в глобальном мире коммуникаций и потоков информации теряем старый смысл „мест“, высматриваем места, которые еще сохраняют старое значение» [Белтинг, 2002. С. 10–11].

Циклическая и линейная модели времени как глубинные архетипические структуры находят выражение в музейном пространстве в качестве циклически-линейной модели передачи и восприятия музейной информации. Пространственно-временной континуум экспозиции организуется в соответствии с законами восприятия: по возможности в архитектурно-экспозиционном решении, в экскурсионном маршруте реализуется идея кольца, большинство посетителей осматривают экспозицию, двигаясь по часовой стрелке.

Музейное пространство и время условны, специально спроектированы и организованы с опорой на правду места и происходивших там событий, на документальную обоснованность и научную системность многих исторических источников; в музейной коммуникации они замкнуты структурой экспозиции. Если в реальном мире объекты ограничены во времени и пространстве, то в пространство и время экспозиции можно вернуться, допустимо второе ее «прочтение», неоднократная встреча с памятным местом. Протяженность экспозиционного времени не соответствует временным измерениям физического мира: оно более «спрессовано», в экспозиции, которую зрители осматривают за 2–3 часа, подчас уложена информация о событиях десятилетий и столетий; за малый отрезок времени «переживается» жизнь героя, города, страны, событие, имеющее большую временную протяженность.

Экспозиционный пространственно-временной континуум выделен из обыденности, повседневности, актуализирует иные пространственно-временные модели; он обладает качеством, которое музеееды называли «ритуальность». Синкретичный по природе музей воздействует одновременно на интеллект, воображение, эмоции, посещение музея становится

сложным коммуникативным актом, для которого М. Б. Гнедовский предложил термины «ритуал» (т. е. способ «гармонизировать, собрать воедино знание, эмоцию и символические действия человека») и «ритуальность посещения» (преобладание эмоциональности восприятия над информативностью). Эта особенность наиболее ярко проявляется в мемориальных музеях [Гнедовский, 1987. С. 40].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.